

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра литературы и методики ее преподавания

Образ современности в новейшей подростковой прозе
Магистерская диссертация

Магистерская диссертация
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Исполнитель:
Кнор Наталья Юрьевна,
обучающийся МЛО-1601z
группы

Подпись

Руководитель ОПОП:

подпись

Научный руководитель:
Петров Илья Вадимович,
к.ф.н., доцент
кафедры литературы и
методики ее преподавания

Подпись

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	7
1.1. Детская литература как особый элемент всеобщей литературы.....	7
1.2. Художественное своеобразие подростковой литературы.....	13
ГЛАВА 2. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОСТИ В НОВЕЙШЕЙ ПОДРОСТКОВОЙ ПРОЗЕ.....	22
2.1. Взаимоотношение подростка со «взрослым» миром.....	22
2.2. Образ школы в современной подростковой прозе.....	43
2.3. Взаимоотношение подростка с культурным пространством и природным миром.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	71
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	74

ВВЕДЕНИЕ

Подростки – излюбленный предмет художественного изображения в русской литературе как классического, так и последующих периодов. Становление подростка как личности напрямую зависит от получаемой им информации. Огромную роль в этом процессе играют средства массовой информации, а также книга. Именно книги, созданные специально для детского восприятия способны дать нравственное, интеллектуальное и эстетическое развитие. Книга способна питать воображение, открывать ребенку другие миры, показать разные модели поведения людей. Поэтому очень важным является то, что будет читать ребенок, а затем и подросток.

Современная литература для подростков предлагает юному читателю богатый ассортимент книг на разные тематики. Писатели, учитывая интерес подростков читать о сверстниках, отображают в своих произведениях то, с чем ежедневно сталкивается любой тинейджер: конфликты внутри семьи, проблемы в учебе, установление отношений в коллективе сверстников, первая любовь и т.д. Подростковая литература помогает ребенку заглянуть внутрь себя, а также понять сложный мир «взрослых», в который им предстоит вступить.

В подростковый период для ребенка большое значение играет установление отношений между ним и социумом. Именно поэтому на передний план значимости для подростка выходит познание себя и своего места в этом мире. Немаловажную роль в процессе формирования личности подростка играет семья. Мировоззрение, привычки, взгляды, традиции ребенок усваивает именно в семье. Именно в ней закладываются базовые ценности ребенка, которые будут значимы для него на протяжении всей жизни.

Огромное влияние на подрастающую личность также оказывает школа как основное местопребывание ребенка вне дома. Кроме тяжести учебы, в школе подростку приходится выстраивать отношения среди одноклассников: учиться договариваться, отстаивать свою точку зрения, не бояться просить о помощи. Зачастую в школе подросток сталкивается с конфликтами не только со сверстниками, но и с учителями. Непонимание между детьми и взрослыми – основная проблема, поднимаемая литературой для подростков.

Конечно, на формирование личности подростка также играет и культурная среда, в которой проживает ребенок: особенности менталитета, религии и т.п. напрямую влияют на него. Семья, школа, культурная среда – это то, что воспитывает человека, формирует его взгляды и приоритеты. И именно от того, что подчерпнет из этих сфер ребенок, зависит его будущее. Увидеть, как современность преломляется в новейшей подростковой прозе, выявить художественную специфику и семантику «взрослого мира», принципы организации окружающей реальности, с которой взаимодействует подросток сегодня – является **целью** нашей диссертации.

Актуальность исследования объясняется теми процессами, которые происходят в современной детской литературе и подростковой прозе: поиски новой концепции героя, трансформация образа мира, попытки авторов предложить подростку различные художественные версии современной реальности и диалог с читателем о системе взаимодействия с ней в новых условиях сегодняшнего дня.

Объектом исследования являются произведения, обращенные к аудитории младших и старших подростков, созданные в последнее десятилетие, призеры литературного конкурса в области детской литературы «Книгуру» разных лет. Из множества произведений нами отобран круг текстов, содержащих не только увлекательные для юного читателя истории, но и тех произведений, в которых делается попытка создать новый оригинальный характер героя-подростка, и тех произведений, где так или

иначе моделируется социальная реальность, культурное пространство, внутренние психологические процессы, межличностные взаимодействия в современном мире. В своей работе мы рассмотрели следующие произведения: повесть Л. Романовской «Удалить эту запись?», повесть Г. Нугмановой «Школота», цикл А. Жвалевского и Е. Пастернак «Шекспиру и не снилось», а также повесть Е. Рудашевского «Куда уходит кумуткан».

Предмет исследования: образ взрослеющей личности в современной детской литературе, авторская картина мира, восприятие современности, обращенное сегодня к юному читателю.

Задачи:

1. Изучить теоретические основы исследования детской литературы, поэтики подростковой прозы.

2. Обратиться к истории подростковой прозы, выявить, какие модели взрослого сообщества, социальной действительности предлагались подросткам в прошлом.

3. Проанализировать диалог детей и взрослых в книгах для подростков, увидеть черты «взрослого мира» в книгах для подростков.

4. Рассмотреть образ школы в современной подростковой прозе.

5. Выявить, как в современной прозе для подростков раскрывается процесс взаимодействия с разными сферами жизни: природным миром, культурным пространством, социальной системой, иррациональным миром.

Методы исследования:

1. Историко-генетический. Данный метод позволил увидеть истоки детской и подростковой литературы, а также проследить динамику этих явлений в современной литературе.

2. Историко-литературный, который помог отследить влияние того или иного исторического периода на детскую и подростковую литературы.

3. Описательный метод был использован нами при анализе рассматриваемых нами литературных произведений.

Методологической базой исследования будут труды современных исследователей по детской и юношеской литературе – И.Н. Арзамасцевой, М.А. Литовской, М.И. Мещеряковой, Е.В. Посашковой, И.Г. Минераловой и др. авторов, занимающихся изучением поэтики подростковой прозы, труды по истории русской детской литературы.

Научная новизна исследования заключается в выявлении основных качеств современной концепции героя подростковой литературы и художественной специфики модели мира, предлагаемой юному читателю современными авторами.

Практическая значимость исследования состоит в том, что оно может быть использовано в курсе занятий по внеклассному чтению, филологическому анализу художественного текста.

Апробация работы: материалы исследования послужили основой для доклада на научной конференции «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, УрГПУ) в 2017-2018 учебном году и последующей публикации в сборнике научных трудов.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав (с выделением параграфов), заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Детская литература как особый элемент всеобщей литературы

Прежде чем начать говорить о современных произведениях, предназначенных для подростков, нужно разобраться, что вкладывается в понятие «детская» и «подростковая» литература разными исследователями.

М.И. Мещерякова в монографии «Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики» пишет, что до XIX века представление о детстве как специфическом состоянии человеческой души не было. Первые попытки понять особенные свойства детства были предприняты А. Погорельским в повести «Черная курица или подземные жители»: «... повесть-сказка довольно точно воссоздавала тонкий мир детской фантазии, пересоздающий действительность на свой лад» [Мещерякова 1997: 4]. Уникальность восприятия мира ребенком (Алешей) в том, что пережитое воспринимается им как реальное, а не как то, что могло лишь показаться: «В этом главное отличие мира детей от мира взрослых: первые живут в предметном трехмерном мире, вторые - в причудливом и бесконечно сложном, мерность которого не определена. Одним из первых в русской литературе А. Погорельский предположил, что внутренний мир ребенка может быть много богаче взрослого, и поэтому он заслуживает

самого пристального внимания и адекватного эстетического отражения» [Мещерякова 1997: 4].

Обратив внимание на наблюдения А. Погрельского, В.Г. Белинский открыл череду споров о том, нужно ли детям начинать свою читательское становление с «взрослых» произведений, которые они просто не способны понять в силу своего возраста: «В детском возрасте чувство и рассудок в решительной противоположности, в решительной вражде, и одно убивает другое... Дитя не требует диалектических выводов и доказательств, логической последовательности; ему нужны образы, краски, звуки!" [Мещерякова 1997: 5]. В.Г. Белинский первым стал настаивать на существовании «детской» литературы как особой и самостоятельной области словесного искусства и как полноценного явления литературы.

Также В.Г. Белинский считал, что «взрослая» литература для детского чтения даже оказывается вредной: «Всему своя черда. Неестественно и преждевременно развившиеся дети - нравственные уроды... Искусство в той мере действительно для каждого, сколько каждый находит в нем истолкование того, что живет в нем самом как чувство, - что знакомо ему как потребность его души... Что же сказать о детях, которые, по своему возрасту, не могут найти в поэзии отражения внутреннего мира души своей? Разумеется, они или увлекаются отвратительным в их лета фразерством и резонерством, или перетолковывают по-своему недоступные для них чувства и превращают их для себя в неестественные и ложные ощущения и побуждения» [Мещерякова 1997: 6]. Сторонниками мнения В.Г. Белинского о том, что детская литература является особым и полноценным явлением литературы также были и Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов, Н.А. Некрасов, М. Горький.

Противники же детской литературы в качестве довода в свою пользу использовали тот факт, что большинство произведений, ставших классикой детского чтения, не писались специально для детей. Поэтому нет никакой

необходимости создавать для детей, тем более для юношества, специальную литературу, так как «она будет заведомо ремесленной, неполноценной в эстетическом отношении; лучше предоставить детскому и юношескому чтению возможность формироваться "самотеком", методом естественного отбора "подходящего" из общелитературного процесса» [Мещерякова 1997: 6].

Ярым противником детской литературы был Д.П. Писарев. Он считал, что «специально детская литература всегда и везде составляет и будет составлять одну из самых жалких, самых ненужных отраслей общей литературы... детская литература есть жалкая, ложная и совершенно искусственная отрасль общей литературы» [Мещерякова 1997: 6]. Сторонником идеи Д.П. Писарева были многие педагоги, а также знаменитый литературный критик Н.А. Савин.

М.И. Мещерякова, критикуя позицию противников детской литературы, приводит два довода, доказывающих, что детская литература как особый элемент всеобщей литературы имеет место быть:

1) Во-первых, далеко не все произведения взрослой литературы могут "мигрировать" в детскую или юношескую среду. В круг детского чтения переходят только те из них, авторы которых, независимо от субъективных намерений, объективно почувствовали интересы и возможности юных читателей, "учли" их;

2) Во-вторых, чтение детьми книг, написанных для взрослых, имеет много отрицательных сторон. Прежде всего - они редко действительно доступны детям. В случае, если доступна фабула, часто недоступна трактовка, манера изложения, дети не улавливают смысл, кроющийся за пределами фабулы рассказа или повести, не могут оценить красоту художественного произведения, только "скользя" по нему [Мещерякова 1997: 8].

Итак, критерии выделения детской литературы из общих рамок литературы до сих пор однозначно и объективно не установлены. Некоторые литературоведы предпочитают не выделять детскую литературу, настаивая на ее общих эстетических свойствах. Другие различают детскую литературу как разновидность массовой литературы, обращая внимание на ее невысокий, по их мнению, художественный уровень.

По мнению И.Н. Арзамасцевой, критерием вычленения детской литературы из общей литературы можно считать категорию «читателя-ребенка»: «Таким образом, детская литература есть одно из социокультурных явлений, сопровождающих развитие в обществе детской субкультуры» [Арзамасцева 2012: 17].

Также И.Н. Арзамасцева выделяет две особенности детской литературы:

- 1) промежуточное положение между узколокальными литературами и классической, «высокой» литературой, обнаруживающей конечность своего рецептивного потенциала на границе литературы для детей, особенно для малышей;

- 2) специфика диалога: писатель выстраивает диалог с воображаемым читателем с учетом различия уровней этического и эстетического восприятия [Арзамасцева 2012: 18].

Далее И.Н. Арзамасцева дает два значения для понятия «детская литература»: «Первое – обиходно-бытовое, когда детской литературой называют все произведения, которые читают дети. Однако специалисты (литературоведы, библиотекари, педагоги) предпочитают второе значение – научное» [Арзамасцева 2012: 20]. Научное определение детской литературы имеет трехчленное содержание, различающее три вида произведений:

- 1) произведения, прямо адресованные детям (например, сказки Корнея Чуковского);

2) произведения, созданные для взрослых, но нашедшие отклик у детей и навсегда поселившиеся на детских полках (сказки Пушкина, им подобные произведения следует относить к кругу детского чтения);

3) произведения, сочиненные детьми, его чаще называют литературным творчеством [Арзамасцева 2012: 20].

В ходе своих размышлений И.Н. Арзамасцева приходит к выводу, что *детская литература* – это «часть общей литературы, обладающая всеми присущими ей свойствами, при этом ориентированная на интересы детей-читателей и потому отличающаяся художественной спецификой, адекватной детской психологии» [Арзамасцева 2012: 34].

Самым главным, что должно быть в детской книге, по мнению И.Н. Арзамасцевой – «этическое начало», т.е. ее язык должен соответствовать высокому назначению. Главная задача детской книги – воспитывать человека нравственного [Арзамасцева 2012: 29].

И.Г. Минералова считает, что *детская литература* – это «мир художественных произведений о том, что такое и кто такой ребенок, что такое микрокосм и макрокосм, т.е. все окружающее его» [Минералова 2002: 14]. При этом исследователь разграничивает литературу «о детях» и «для детей»: «Художественная литература о детстве включает в себя и произведения о детях, обращенные к ребенку, но и детская литература не исчерпывается произведениями о детях. В детскую литературу входит значительный круг произведений, адресованных детям, но их герой – не ребенок» [Минералова 2002: 14]. Также, И.Г. Минералова отмечает, что большинство произведений о детях на самом деле адресовано взрослым читателям, так как писатели зачастую вспоминают свое детство и юность: «Ребенку, если произведение адресовано ему, изнутри его эпохи невозможно постичь не только ностальгическую тональность, да и сам стиль, диктуемый ею, не показан детскому восприятию. Отсюда и затрудненность, с которой зачастую воспринимаются автобиографическая повесть или роман,

стремящиеся в мельчайших подробностях описать быт, уклад и душевную жизнь ребенка» [Минералова 2002: 14].

Важным в воспитании ребенка, по мнению И.Г. Минераловой является наличие «примера» и нравственно-эстетического идеала, которые должны непосредственно отражаться и в литературе для детей: «В воспитании чувство семьи, ощущение любви и понимания является еще одним необычайно важным фактором, без него невозможно исследовать и преподавать детскую литературу» [Минералова 2002: 12].

Главной целью детской литературы И.Г. Минералова считает «дать ребенку достойное воспитание и образование, подготовить его к взрослой жизни» [Минералова 2002: 25]. При этом исследователь считает важным то, что при формировании круга чтения детей, нужно учитывать их гендерные различия, так как «взрослая» жизнь мальчиков и девочек отличается: «Мальчики предпочитают приключения, фантастику, исторические повести, художественную баталистику, а девочки – лирические стихи, сказки, мелодраматические истории с хорошим концом. И это естественно. Литератур призвана воспитывать мужчину сильным и отважным, защитником своих близких и Отечества, а в девочке – мудрую женщину, мать, хранительницу семейного очага» [Минералова 2002: 25].

Круг читательских интересов взрослого и ребенка кардинально отличается. Взрослые редко обращают внимание на то, что составляет естественный интерес ребенка в тот или иной этап его развития, и поэтому в «общей» литературе эти факторы учтены мало. Только специальная детская литература может погрузить ребенка в круг привычных, естественных для него интересов.

Внутренний мир ребенка представляет собой чистый и хрупкий механизм. Именно детскому незамутненному сознанию подвластно понять истинные ценности мира. Творческие, интеллектуальные и нравственные потенциалы ребенка безграничны. Детство является важнейшей

нравственно-философской темой в творчестве многих крупных писателей, таких как: Л.Н. Толстой, С.Т. Аксаков, А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, В.Г. Короленко, И.А. Бунин, Н.Г. Гагарин-Михайловский и др.

Детство ни для кого не проходит бесследно, и своеобразное восприятие мира, свойственное нам в детстве не раз возвращается к нам с «подкорок» сознания в виде снов, фантазий, воспоминаний и т.п. Мир Детства – ключ ко многим волнующим нас проблемам.

1.2. Художественное своеобразие подростковой литературы

Итак, что такое «детская» литература и каково ее художественное своеобразие мы выяснили, теперь перейдем к выявлению особенностей «подростковой» литературы. Конечно, эстетические и художественные принципы «детской» и «подростковой» литератур во многом схожи, так как в обоих случаях адресатом этих произведений является становящаяся личность, которой нужно разъяснять и показывать основные закономерности этого мира и то, как следует или не следует себя вести в определенной ситуации. Однако, некоторые отличия есть, которые необходимо отметить.

Термин «подростковая литература» не является общепринятым, так как до сих пор не определены возрастные границы этого явления, его художественная и эстетическая особенности. Как правило, «подростковую» литературу включают в состав «детской» литературы, что является не совсем оправданным, так как читательская потребность пятилетнего и пятнадцатилетнего человека в корне отличаются. Также, «подростковую»

литературу некоторые исследователи отмечают как «промежуточной» между «детской» и «юношеской» литературой. Обращать внимание на специфику «подростковой» литературы и ее отличий от «детской» литературы стали относительно недавно, в связи с этим подростковый этап читательского развития исследован не в полной мере.

Е.В. Посашкова считает, что наиболее продуктивным подходом в изучении подростковой прозы является исследование ее «закономерностей, тенденций и течений в русле общего историко-литературного процесса» [Посашкова 1995: 75]. Однако, несмотря на то, что некоторые авторы делали попытки выявить идейно-художественное своеобразие подростковой прозы (М. Грицанова, Е. Козач, М. Чинаев и др.), далеко не все тенденции получили достаточно глубокое исследование. «Современная подростковая литература достаточно часто оказывается в центре внимания критики (работы В. Воронова, Е. Зубаревой, И. Лупановой, И. Мотяшова, С. Николаевой и др.), но в целом, как не раз отмечали исследователи, она мало изучена в сравнении со «взрослой» литературой, и ряд значительных открытий духовно-эстетического характера, накопленных ею начиная с 60-х годов, еще не до конца осмыслен критикой и литературоведением» [Посашкова 1995: 75]

Границы подросткового этапа также нечетко определены и специалистами, занимающимися возрастной психологией. Усредненными границами этого периода (на которые будем ориентироваться мы при отборе «подростковых» произведений в своей работе) является возрастной промежуток 12 – 17 лет.

Так как подростковую литературу создают взрослые, то она соответствует неким общественным представлениям об этом возрастном периоде. Подростковый период трактуется как кризисный, так как вчерашний ребенок преодолевает ряд не только физиологических изменений, но и социальных. В связи с освоением новых ролей в обществе, подросток ожидает от литературы ответа на вопрос о том, как следует пройти этот этап

взросления. Действительно, многие произведения для подростков основаны на повторяющемся сюжете: «символический побег ребенка из Дома и возвращение в него в новом качестве, с изменившимся пониманием мира и себя» [Литовская 2010: 26]. Поэтому, М.А. Литовская отмечает, что «важнейшей задачей этого сегмента литературы, причем задачей, осознаваемой писателями, является последовательная и целенаправленная социализация молодого человека, передача ему существующих в обществе представлений о ценностях, социальных ролях, нормах, достойных моделях и формах поведения. Предполагается, что на границе детства / взрослости необходимы произведения, закрепляющие в сознании подростка базовые ценности, многократно их повторяющие и транслирующие» [Литовская 2010: 26].

Но проблема заключается в том, как пишет М.А.Литовская, что общество само не может сформулировать те идеалы, на которые должны ориентироваться люди и к которым нужно стремиться подросткам: «разбалансированность социальных институтов, свойственная постсоветскому мироустройству, гибридность норм и практик социальных отношений, отсутствие единых критериев оценки поведения привели к тому, что представления подрастающего поколения о том, «что такое хорошо и что такое плохо», оказались изначально противоречивыми» [Литовская 2010: 28].

Произошедший распад советского государства повлек за собой исчезновение молодежных организаций и, соответственно, исчезновение централизованной системы планирования книгоиздательства. В связи с этим «широкая книгоиздательская сеть была брошена в литературное море, чтобы выудить оттуда все, предназначенное для подростков. Эти публикации-переиздания определяли ситуацию в подростковой литературе 1990-х годов» [Литовская 2010: 27].

В это время весьма кстати появляются романы Джоан Роулинг о Гарри Поттере, которые обеспечили подростков увлекательными текстами, а также дали читательской аудитории «сладостное ощущение причастности к мировому сообществу» [Литовская 2010: 27]. Романы о Гарри Поттере и подобные детективные произведения составили основную массу вновь созданной в России подростковой литературы конца 90-х – начала 00-х годов. Сверхинтерес к подобным книгам вполне объясним, ведь для постсоветского общества это были абсолютно новые тексты, подобия которых раньше не было. Также нельзя не отметить доступность языка для любого подростка, а также фантастичность сюжета, которая нашла отклик в сердцах многих тинейджеров.

Но в связи с этим возникло и огромное количество споров о том, нужны ли такие тексты для подрастающего поколения, так как существующая традиция рекомендуемых к прочтению «трудных» для понимания подростком книг классической литературы нарушалась. Считалось, что подобная «массовая» литература не подает подросткам должный пример высокого художественного языка и неоднозначного решения социальных и психологических проблем, а, напротив, довольно тривиально транслирует базовые ценности общества: «Проблема заключалась в том, что новый тип общества оказался не готов внятно сформулировать подростку существующие у него базовые ценности. В характерной для России конца XX века ситуации мощного мировоззренческого разлома устойчивые представления о должном претерпели качественные изменения» [Литовская 2010: 29].

М.А. Черняк отмечает, что произошедшая на рубеже 2000-х «поттеризация всей страны» не ослабила желания подростков читать не только о Гарри Поттере, но и о героях более простых и понятных. Но необходимо отметить, что система жанров подростковой литературы, сформированная в советское время, трансформировалась. А.М. Черняк

приходит к выводу, что на данный момент актуальна проблема подлинности и исторической памяти как своеобразному способу установления реальности: «Современная литература занимается своеобразным «формированием памяти», в рамках которого национальные истории интегрируются в «глобальную» историю, и основным источником представлений о прошлом становятся мифы, легенды, фантастические допущения. Создается устойчивое ощущение, что современные авторы воспринимают историю как своеобразный мистический заговор, что позволяет перевести реальность в фантастику и представить жизнь целых поколений с помощью фантастического кода» [Черняк 2011: 90].

В то же время общество всегда оставалось заинтересованным в установлении баланса между поколениями и в успешной передаче подросткам значимых для старшего поколения ценностей. Самым популярным способом «смягчения» разрыва между поколениями оказалось появление различных молодежных журналов: «Постсоветские журналы для подростков не критикуют современное состояние общества, они его игнорируют, хотя в журналах упоминаются, реже – изображаются реалии, как будто типичные и характерные для российской жизни...Создавая иллюзию достижения возможностей, по определению невозможных для большинства членов общества, эти издания гасят протестный потенциал, вызывают ощущение удовлетворения желаний и победы над жизнью, снимают неизбежный драматизм повседневного существования» [Литовская 2010: 29].

«Смягчающим» эффектом также обладает и массовая литература, способная передать базовые ценности молодому поколению наиболее эффективным путем. Для подобной литературы характерны довольно четкое разграничение героев на «положительных» и «отрицательных», стремительно развивающаяся фабула, основанная на преодолении

препятствия или на разгадке некой тайны, и, самое главное – приключенческий сюжет, способный увлечь юного читателя.

Приключенческие книги для подростков, которые воспринимаются обществом без осуждения, зачастую, изначально предназначались и взрослым, и детям (например: «Два капитана», «Робинзон Крузо», «Тимур и его команда» и т.п.). Подобная двуадресность, по мнению М.А. Литовской, «служит внутреннему межпоколенческому сближению. «Книги, на которых выросли поколения», передаются очередной генерации читателей в надежде, что они будут приняты. В свою очередь, современное старшее поколение, готово рассказывать подросткам о своем отрочестве, своих «побегах» и сложностях взросления» [Литовская 2010: 33].

Согласно педагогическим моделям книга для подростков должна обучать, развлекая. В ней обязательно должны быть включены в часть фабулы, комментариев или вставных эпизодов нравоучительные сведения об истории, географии, физике, химии, биологии, этнографии, геологии, астрономии и т.д. Это, совместно с развитием сюжета, показывает «читателю-младшему подростку преимущества коллективного знания перед индивидуальным, значимость опыта старших, важность ответственного отношения к своим обязанностям и т. п. Тем самым подтверждается система ценностей, которая, несомненно, уже знакома адресату повести, но подтверждается еще раз в истории обаятельных и веселых героев» [Литовская 2010: 29].

Современное общество предлагает подростку в доступной увлекательной форме книги, которые, в свою очередь, являются также и познавательными. Это дает надежду на то, что в будущем ребенок потянется сам к более «сложным» текстам. То есть, задача литературы для подростков – привить любовь к чтению, заинтересовать увлекательными историями и вместе с этим передать ценности, закрепленные в старших поколениях.

Жанровое своеобразие книг для подростков не отличается разнообразием. Доминирующее положение в этой нише литературы занимает повесть, так как именно этот жанр позволяет воспроизводить естественное течение жизни, а сюжет сосредотачивается преимущественно вокруг одного героя. Однако, личность главного героя раскрывается в нескольких эпизодах, показывается во взаимосвязях с разными персонажами.

Что касается читательских предпочтений подростков, то здесь самым важным является наличие захватывающего, интригующего сюжета. М.И. Мещерякова подчеркивает, что «важнейшим критерием оценки прочитанного подросток считает «увлекательность». Не менее важный для подростка критерий оценки – правдивость, которая трактуется как «похожесть на жизнь», при этом мерилom оценки нередко оказывается собственный небогатый жизненный опыт» [Мещерякова 1997: 18]. Узнаваемость себя в образе героя книги – самый главный аргумент, которым оценивают юные читатели произведения. Подросток любит читать только то, что волнует его самого, так как для него с переходом в новую возрастную категорию появляется множество вопросов и проблем. Заниженная самооценка, неуверенность в себе, различные комплексы – это те «внутренние» проблемы, которые волнуют каждого подростка. Но, также, любой молодой человек вынужден преодолевать и «внешние» проблемы: завоевание авторитета у одноклассников, отстаивание своих границ в семье и т.п. Зачастую подросток ощущает себя в конфликте и с окружающей действительностью в целом. Современные писатели очень чутко относятся ко всем трудностям на пути подростка, показывают взгляды на одну и ту же ситуацию с разных сторон, чтобы дать возможность юному читателю выбрать правильный путь, если он столкнется с подобной ситуацией.

Также для подростков особое место занимает главный герой произведения. Желательно, чтобы герой таких произведений был сверстником, а также представлял собою либо пример для подражания, либо

«антипример» того, каким нужно быть: «Ясность эмоционально-оценочного восприятия, «чистота» оценки – важная категория для подростка. Чувство симпатии или антипатии, возникшее к литературному герою, читатель полностью распространяет на оценку его нравственных качеств» [Мещерякова 1997: 18]. Частым обоснованием для оценки подростком литературного героя является не только его личные качества, такие как: смелость, решительность, мужественность, храбрость, стойкость и т.д., но и его отношение к другим действующим лицам (проявление заботы и благородства по отношению к окружающим).

При создании образа героя-подростка авторы чаще всего пользуются такими средствами, как: портрет, речь, описание жестов и вещей, окружающих героя. Образ, созданный при помощи этих средств, помогает юному читателю отнести героя либо к «хорошим», либо к «плохим». Большое значение при создании образа имеет речь героя-подростка: употребляемые в ней слова и выражения, а также фразеологические обороты создают необходимые смысловые и эмоциональные оттенки. Особенность речи героя, его манера ведения диалога помогают читателю понять самого героя, его ближайшее окружение, выяснить его жизненные ценности.

Внутренний психологизм юного героя создается за счет использования внутренних монологов. Также, зачастую встречаются такие формы внутренних диалогов, как письма и дневниковые записи. С помощью внутренних монологов герой раскрывает свои интимные личные переживания, которые помогают читателю понять глубже мотивы его поступков.

Образы подростков в литературе представляют собой некое особое психологическое состояние человека. Герою-подростку кажется, что он вполне самостоятельный, но на самом деле еще не готов к полноценной взрослой жизни. Это внутреннее противоречие, которое выливается в личностный конфликт и составляет интерес литературы. Читатель учится на

примере пути героя, вместе с ним проживает ситуации и проходит верные и неверные дороги на пути к взрослости. Этим и ценна подростковая литература.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ СОВРЕМЕННОСТИ В НОВЕЙШЕЙ ПОДРОСТКОВОЙ ПРОЗЕ

2.1. Взаимоотношения подростка с «миром взрослых»

В подростковом возрасте происходит «переход» вчерашнего ребенка в мир «взрослых». Установки, правила и нормы общества трансформируются в личные убеждения и представления: «Это — стержневой период различных форм идентификации: телесного и психологического образа «Я»; осознание себя как представителя определенного пола, определенной социальной общности и т. д. Идентификация позволяет подростку усвоить социальные нормы, ценности, идеалы, роли как отдельного лица, так и общества в целом» [Лазарева 2009 : 372].

Конечно, больше всего подростки мечтают поскорее стать «взрослыми», поэтому они стремятся как можно скорее усвоить те привычки и нормы, которые связаны в его представлении со взрослым поведением. И, как отмечает Лазарева Т.А., «чем сильнее расхождение в обществе между пропагандируемыми нормами и реально действующими, тем более вероятно, что подросток будет ориентирован не на институциональную норму, которая будет им, скорее всего, восприниматься как нечто близкое к норме возрастной (норме для маленьких, для детей), а на реально действующие нормы, которыми на самом деле руководствуются взрослые в своем каждодневном поведении» [Лазарева 2009: 372].

Сложность представляется в том, что многие ценности, сформированные в XX столетии, на сегодняшний день подвергаются пересмотру. Нестабильная ситуация в социуме, политике, экономике, экологии и в прочих сферах привела к сдвигу и в духовно-нравственной сфере: ниспровергнуты все авторитеты и идеалы: «Возник вакуум духовности, который заполняется, во-первых, национализмом, не ростом национального самосознания, а именно национализмом; во-вторых, экстремизмом; в-третьих, религиозной идеологией; в-четвертых, преклонением перед всем зарубежным — от товаров до идей; в-пятых, и в наибольшей степени — чисто утилитарной, прагматической идеологией [Фельдштейн 1999: 406]. Также в нашем мире происходит сдвиг к индивидуализму, поощряется личные достижения человека, а не польза его действий для общества.

Но огромную роль в становлении подростка как личности играет именно семья: «Ценностные ориентации подростков, понимание ими социальных проблем, нравственные оценки событий и поступков зависят в первую очередь от позиции родителей» [Лазарева 2009: 375]. Подростки, чаще всего разделяют нравственные ценности родителей, что также подчеркивается и в литературе о подростках. Т.А. Лазарева отмечает, что: «В литературе, посвященной благополучной социализации детей, достаточно часто встречаются указания на то, что родители в благополучных семьях передают своим детям собственные духовные ценности (стремление к творчеству, познанию, самосовершенствованию и радости от этого), формируя, таким образом, у детей соответствующие ценностные ориентации, которые позволяют последним самостоятельно двигаться в социально одобряемом направлении. И наоборот, в литературе, посвященной девиантному поведению детей, часто встречается указание на то, что духовные ценностные ориентации не играют большой роли в жизни родителей, а характер общения в семье таков, что передача духовных

ценностей родителей к детям практически исключается» [Лазарева 2009: 376].

Драгунова Т.В. отмечает, что стать «взрослым» подросток может только тогда, когда начинает жить в «системе норм и требований, существующих для взрослых, что связано с необходимым и обязательным увеличением его самостоятельности, обязанностей и прав» [Драгунова 1976: 28]. Но при всем этом, если у «взрослого» остается отношение к подростку как к ребенку, то это приводит к различным конфликтным ситуациям: «Это отношение, с одной стороны, вступает в противоречие с задачами воспитания детей этого возраста и является препятствием на пути развития социальной взрослости подростка, а с другой — оно вступает в противоречие с представлениями подростка о степени собственной взрослости и его претензиями на новые права» [Драгунова 1976: 28].

Современному подростку приходится несладко. Для ребенка в подростковый период очень важно найти себя и свое место в жизни. Но наряду с этим нередко ему еще приходится решать и другие проблемы, такие как: зачастую непростые отношения с родителями и другими членами семьи, конфликты с учителями, выстраивание правильных взаимоотношений среди коллектива сверстников и т.д. Еще совсем юный человек зачастую сомневается, как ему лучше поступить в той или иной ситуации, с кем лучше общаться, к кому прислушаться, чьим советом воспользоваться? Ведь у юных читателей еще очень маленький жизненный опыт, а проблемы, зачастую, на них «сваливаются» достаточно взрослые. Показать различные ситуации, множество моделей поведения в них – задача современной литературы для подростков.

Естественным для подростков представляется то, чтобы обращаться за советом к старшим – родителям и учителям. Но какова гарантия, что подросток и взрослый найдут общий язык? Да и сами «взрослые» являются

ли примером для подражания? Это нам необходимо выяснить. Обратимся к повести Л. Романовской «Удалить эту запись?» (2016 г.).

Лариса Романовская – писательница и журналист, автор известных произведений для подростков. Про порой нелегкую жизнь подростков она знает не понаслышке. Про саму себя в годы юности она говорит так: «В школе все было не сильно гладко. Ибо толстая, рыдающая по поводу и без, не ходившая в детский садик и патологически мечтательная девочка со смешной фамилией не могла не стать предметом для шуток. Часть шуток была на редкость дурацкой» [Романовская 2016].

Одна из последних ее книг «Удалить эту запись?» стала лауреатом литературного конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юности «Книгуру» 7 сезона в 2016 году. Главная героиня, Вера, 14-летний подросток, которая ведет свой личный блог на просторах интернета. На вопрос о повести «Удалить эту запись?», почему у многих подростков возникает потребность вести блог или дневник, Лариса Романовская для интернет-журнала «Папмамбук» отвечала следующим образом: «Я точно знаю, что абсолютно любой подросток рано или поздно в том или ином формате, в бумажном или в электронном, но дневник ведет. Без дневника практически не бывает взросления. Я абсолютно точно это знаю, потому что мой сын и моя старшая племянница тоже это делают, причем кто-то из них ведет уже видеоблог. Формат может меняться, а суть остается. У нас могут измениться обстоятельства жизни, могут измениться исторические, социальные, экономические реалии, а вот какие-то подростковые вопросы все равно не меняются. Потому что есть вещи, которые в 13-14 человек должен сам для себя решить. Начиная с глупых вопросов, вроде «кем я стану, когда вырасту?», до вполне практических: «как мне заработать первые деньги?», «как пережить такую вот ситуацию в школе или дома?», «как помириться, не поругаться?», «как постоять за себя?». Иногда для того, чтобы принять какое-то решение, надо про него написать, выговориться

перед камерой или набрать текст на клавиатуре, или написать от руки. Мне кажется, это важно. В принципе, эта повесть – монолог 14-летней девочки. Потом ей исполнится пятнадцать, потом шестнадцать, но мы этого не узнаем, – внутри дневника ей всегда будет четырнадцать. И пока у нас эти дневники существуют где-то, мы в них можем вернуться и либо еще раз прочесть какой-нибудь кусочек, либо вспомнить себя, это тоже очень важно. Если бы у меня не было дневников в школе, я бы во взрослой жизни не смогла так писать» [Романовская 2018].

В повести внутренний мир девочки-подростка передан достаточно точно. Когда у Л.А. Романовской спросили, как ей это удалось, она отвечала следующим образом: « Я мама подростка, – правда, у меня мальчик, ему 14. У меня есть старшие племянницы, им 15 и 16, и есть еще племянник помладше. В общем, подростков вокруг меня достаточно много, поэтому какие-то вещи про них я естественно знаю просто из «окружающей среды». А какие-то вещи переживала сама, причем как в достаточно юном возрасте, так и в более серьезном. В этом тексте есть несколько цитат из дневника, который я вела, когда мне было четырнадцать» [Романовская 2018].

Огромный опыт, пережитый самой Л. Романовской, а также опыт других, близких для нее людей, отразились в повести «Удалить эту запись?». Перейдем к анализу самой повести, чтобы понять, с какими же трудностями сталкивается подросток, как преодолевает неприятности, где находит ответ на интересующие вопросы.

Вопрос, который задает любой компьютер перед тем, как выполнить удаление чего-либо: «Удалить эту запись?» не случайно вынесен в название повести. На протяжении всей повести Вера регулярно сомневается, стоит ли публиковать ту или иную запись, например: ««100 дней счастья»: МЧ написал мне, что жить без меня не может. Как мило. Даже если это неправда. Вы действительно хотите удалить эту запись? Да» [Романовская 2016]. Самые сокровенные записи героиня предпочитает не публиковать, оставляя

это при себе. Ближе к концу повести неопубликованных записей становится все больше и больше. Но, благодаря тому, что читателю эти «удаленные» записи видны, по ним отчетливо видно постепенное взросление девушки.

Открывая повесть, перед нами сразу предстает интернет-дневник девушки-подростка по имени Вера. С первых строк мы узнаем, что она вступила в некий флеш-моб под названием «100 дней счастья», где Вера рассказывает, что же для нее составляет счастье: ««100 дней счастья»: До конца каникул еще неделя! А потом «первый раз в девятый класс». Дорогое мироздание, сделай так, чтобы ВМ уволилась из школы!!!! Это будет 365 дней счастья. Или 250 с чем-то еще дней счастья, если из 365 дней вычесть 92 дня летних каникул. Выходные не вычитаем, я добрая, и все равно в выхи приходится делать уроки. А делать уроки, но не думать про то, что завтра ВМ меня вызовет и опять будет опускаться перед всей группой, это тоже почти счастье!» [Романовская 2016]. Счастье в понимании этого подростка кроется в вполне незамысловатых и понятных вещах: летние каникулы, «первый раз в девятый класс» и т.д., то есть мы понимаем, что на данном этапе девушка живет предвкушением будущей учебы в старшем классе. Однако, также Вера отмечает и то, что для полного счастья ей не хватает того, что бы «ВМ уволилась из школы», т.е. читателю становится понятно, что почему-то Вера недолюбливает своего школьного учителя.

Читая далее, мы видим, что в своем интернет-блоге Вера регулярно пишет о том, что она ненавидит Веру Мироновну – свою классную руководительницу и учителя английского языка: «Опять ходили за учебниками. Заодно попали в лапы ВМ, она нас напрягла оформлять наш кабинет. У ВМ вид как у вампира. Предвкушает кровавую свежую жертву. Меня и Л», «Какая же ВМ некрасивая! Когда она улыбается, заметно, что некрасивая. Не из-за зубов, а из-за улыбки. Как будто она не умеет улыбаться и никогда не умела, а только копирует улыбку. Как я в детстве выводила каляки-маляки в тетрадках и говорила, что «пишу конспект», врала, что я

писать умею. Вот ВМ так же улыбается. Притворяется, что ей хорошо. Или весело. Ненавижу ВМ! Не хочу про неё думать», «Вера Мироновна. Все-таки ВМ моя класручка. Я до последнего не верила, что так будет! Как будто судьба нарочно издевается: теперь у меня в два раза больше ВМ. Как препода и как классухи. Это какая-то комедия ужасов. К концу фильма ВМ должна переехать в мой подъезд и жить у меня за стеной. А потом через стены просочиться ко мне в квартиру и сожрать мне мозг. Или выпить душу. Открываю я холодильник, а там ВМ. И я сразу, как ее увижу, начинаю краснеть и закипать, будто чайник! И мы все мультяшки. Представила мульт и психовать из-за ВМ уже не так хочется», «Ненавижу свою англичанку ВМ еще больше, потому что ее тоже зовут Вера. У нее волосатые ноги. И она шепелявит. Как можно английскому учить с таким языком? С дикцией!» [Романовская 2016]. Подобные высказывания о Вере Мироновне мы встречаем почти до конца повести, однако к последним постам интернет-блога мнение главной героини о своем классном руководителе меняется. Различные ситуации, происходящие в жизни Веры за один учебный год, о которых мы расскажем далее, изменили мнение девушки.

Особо часто Вера упоминает в своем интернет-блоге о теплых и близких взаимоотношениях с матерью: «Но если бы моя мама была мне сестрой, она бы меня любила бы все равно», «Все-таки десятый: когда я люблю маму, я называю ее «мам». «Мам у меня добрый»», «Хорошо, что можно отправить маме смс. «Я тебя люблю»» [Романовская 2016]. Регулярно, буквально в каждой записи своего интернет-блога, она говорит о своей матери, рассказывает какие-то истории, связанные с ней, описывает то, чем они вместе занимаются и т.д.: «Мы прошлого тридцать первого августа с мамой в книжном тетради и все такое покупали.», «Мам бегаёт лучше меня. И она прибежала в магазин первая. А я осталась снаружи. Я решила, что если мама угадает, какой я брелок хочу, это будет... Я на это одно желание загадала. Очень хотелось, чтобы сбылось. Она же моя мама. И она угадала.

Брелок-ботинок! Кукольный замшевый желтый с красными шнурочками... Он был такой невозможно милый, что сразу захотелось стать маленькой и завести себе куклу», «На перемене мама смс прислала. «В 19 00 в „Вавилоне“. Дали з. п. Куртку хочешь?», «А мам отвечает «И я тебя люблю, лохушка»» [Романовская 2016].

Но в своих записях Вера пишет не только о том, как она любит свою маму. Также, девушка, не стесняясь, рассказывает и о конфликтах с матерью: «Мам, блин, в состоянии испортить что угодно. Пришла орать, почему я гремлю миксером. Он не гремит, а жужжит. Вообще-то! У меня, по-моему, все тесто упало от такого ора. По-моему, надо радоваться тому, что тебе ребенок готовит завтрак, а не орать, что радовать маму завтраком это занятие для первоклашек и лучше бы я училась. Дорогое мироздание! Ну почему мне даже сейчас выносят мозг английским!!! Шесть утра. Шарлотка. За окном дождина. Такое ощущение, что в моей маме вдруг поселился вирус. Компьютерный или инфекционный, как в «Хаусе». И мам теперь на все реагирует одинаково. Что бы со мной ни случилось, она опять долбит про ГИА», «Мама увидела у меня на «стене» фейсбука картинку с ВМ в гробу. Ы! Понеслась телега лесом! Самое обидное, что мама на меня кричит так, будто это я рисовала. А на «Пашу и девочек» никто не кричит. И я еще понимаю, если бы на меня кричала ВМ. Но мама!», «Мам опять орет. Из-за того, что опять я посеяла мобилу. (Мне кажется, у меня ее в метро увели). А у нас всё еще плохо с деньгами», «Опять ругаемся с мам. Самое дурацкое в зимних каникулах, это то, что у взрослых тоже есть каникулы. Все сидят дома друг у друга на голове. А потом ругаются. Из-за фигни. Из-за того, кто пойдет с М на улицу в такой морозище. Из-за того, что я, видите ли, немые кружки у себя на столе держу. Мне же они не мешают! И эта не последняя посуда в доме! Самое поганое, что мама и сейчас снова умудряется орать про мое будущее. Ну при чем тут кружки-то? Хочу жить одна!» [Романовская

2016] . Но, несмотря на эти конфликты, читатель чувствует, что у Веры с матерью очень близкий контакт и взаимопонимание.

Про своего биологического отца Вера изначально пишет то, что ей известно только его имя: «Еще факт обо мне: До прошлого нового года я не знала, как зовут моего биологического отца. Потому что по документам я Владимировна с прочерком. Мам тоже Владимировна!» [Романовская 2016]. Несмотря на то, что Вере ничего неизвестно об отце, девушка часто о нем думает и однажды даже решается ему позвонить, правда из соображений, что отец может подарить ей «айфон» на день рождения: «Вторая мысль, не пересекается с первой, строго по геометрии Лобачевского: я же наверное могу просто так позвонить своему биологическому папе и попросить, чтобы он подарил мне айфон? Мне это реально в жизни в голову не приходило! Овца? Нет. Просто неловко. Потому что папа мне как бы чужой человек, а у чужих просить стыдно. Но я ему скажу: «Ты только маме не говори». Нет, не скажу. Нет, просто спрошу: «А что ты мне хочешь подарить на день рождения»? Вы действительно хотите удалить эту запись? Нет» [Романовская 2016]. Звонок отцу стал для подростка разочарованием, так как отец сначала просто не понял, кто же такая Вера, а затем долго не перезванивал: «Я позвонила своему отцу! Черт! Он снял трубку, я говорю: «Это Вера». Он говорит: «Кто?» Я: «Я твоя дочка». А он: «Я тебе перезвоню через десять минут!» А если бы я в этот момент умирала бы?! Я бы успела умереть. 10 минут. 11. 13 минут. Он не перезвонил. У него вообще телефон отключен теперь. Я пишу ему «Ты мне не отец!». Жалко, что нельзя удалять уже отправленные сообщения!» [Романовская 2016].

Важность для Веры разговора с отцом становится очевидной, когда девушка сидит у телефона и ждет звонка от папы, не отвечая на остальные звонки, чтобы не занимать линию: «Я не хочу брать трубку. Я жду папу. А звонит опять соседка» [Романовская 2016]. Но, не дождавшись звонка, Вера уходит к соседке. Вернувшись, героиня видит долгожданные звонки от отца:

«Я к нам поднимаюсь, а там вызовы от папы. На мобильнике. Восемь штук. Он звонил девятый раз, когда я вошла в дверь. Марсюша извылся, он не любит, когда телефон звонит. А я вообще забыла, что звонила папе. Что он у меня вообще есть. Я как-то к этому не привыкла... Папа спросил, что у меня случилось. И я ему начала рассказывать про Ирину Болеславовну, про то, как мне было страшно сидеть у нее дома, пока ехала скорая. Я забыла, что я хотела попросить айфон. Папа решил, что я звоню, потому что мне страшно. Он меня успокаивал. Говорил «маленькая моя». И еще смешно меня называл, «картошечка»» [Романовская 2016]. Разговаривая с отцом, Вера забывает о цели своего звонка – попросить «айфон» и просто разговаривает с папой, делясь своими переживаниями. Ей становится очень приятно, когда отец называет ее ласковыми словами и утешает. Через эту сцену читатель чувствует, что для главной героини безразлично то, что она растет без отца. Несмотря на то, что она его практически не знает, у Веры есть потребность в этом человеке.

Далее девушка делится о том, как прошла ее первая встреча с отцом в реальной жизни: «Вообще, когда я своего папу увидела первый раз, я разочаровалась. Я его представляла совсем другим. Похожим на всех актеров одновременно. А он толстоватый и лысоватый, от него пивом пахнет, у него на правом глазу родинка, на веке, большая. И мне как-то стремно было, вдруг у меня такая же вырастет? Если бы я была мальчиком, я бы знала, как я потом состарюсь» [Романовская 2016]. То есть, когда она увидела своего отца впервые, героиня разочаровалась, посчитав отца внешне некрасивым. Затем Вера рассказывает в своем интернет-дневнике о том, что у нее после этого телефонного разговора была встреча с отцом: «Мы оба раза встречались втроем. Я, папа и мам. И я не знала, как с ним говорить. Мы же никогда не говорили на двоих. А тут я начала про «Скорую» рассказывать. А он меня утешал. Я не знала, как это бывает здорово, когда тебя утешает папа. Я потом говорю: «приходи ко мне на выпускной». А он удивился, он думал,

выпускные только в одиннадцатом классе бывают, а в девятом их нет. Он вообще какой-то оторванный от реала: не знает, что теперь ЕГЭ, а не устные и письменные экзамены, не знает, что в началке четыре года учатся. А я не знаю, кем он работает. Теперь знаю. Водителем в курьерской службе. Развозит заказы. Какое-то оборудование, он сам не знает, какое», «Я спросила, какая у него зарплата. Он спросил, может, мне чего надо купить? Я сказала, что нет. Я знаю, сколько получают водители курьерской службы. Там если айфон брать, то только в кредит. Ну нафиг. Я ему говорю «Ты приходи ко мне на выпускной, просто так, без подарков. У меня все есть». Я думала, что он скажет спасибо. Или, что он меня любит. А он сказал «хорошо». И попрощался» [Романовская 2016]. После этой встречи Вера также ощутила разочарование, так как ожидала, что встреча окажется более теплой. Так же мы видим внутреннее взросление героини: ценностью для нее уже будет не «айфон» от отца, а просто то, что он придет к ней на выпускной вечер.

Про остальных членов семьи (бабушку и дедушку) героиня также мало что знает: «У меня просто нет отца. А моя мама — «старший ребенок от первого брака». Два раза. По дедушке и бабушке, которые ей мама и папа. И она почти все детство жила у своих дедушки и бабушки. В этой квартире. Я их мало помню. Прабабушку я уже почти совсем не застала — она все время была в больнице. А дедушка был лысый и много курил. Я из-за этого не люблю запах сигаретного дыма. Наверное, потому что до сих пор немножко не понимаю: как это, сигаретный запах есть, а дедушки нет» [Романовская 2016]. Однако, несмотря на то, что бабушку и дедушку Вера плохо помнила, ей было очень приятно осознать, что дед оставил ей подарок на выпускной, зная, что не доживет до него: «Сегодня вваливается ко мне без стука с какой-то синей папкой наперевес и говорит: — Дедушка Котя тебя очень любил....Мам раскрывает книжку и показывает мне записку, что на ней деньги лежат. Какая-то совершенно ущербная сумма в рублях. Я и про это,

слава богу, затупила сказать. Потому что мам мне объяснила: дед положил заранее деньги на книжку, специально от него подарок на будущее. Я увидела записку. «Верочке от прадедушки на платье и на туфли». А я ей тогда говорю про синее платье из «Вавилона». Что если бы были деньги. И молчу. Мам говорит, что пошли на их сайте посмотрим. Это типа была осенняя коллекция, может, она сейчас со скидкой продается. У меня от радости рот разъехался до ушей, как у Буратино. Я же знаю, что у нас денег нет. А мам такая говорит, что это же было дедушкино завещание! И что она на пупке извернется, а его выполнит. И что осенью все равно не имело смысла покупать, я типа расту во все стороны одновременно, у меня бы подол сейчас уже сидел на бедрах» [Романовская 2016]. Также, через эту сцену мы видим то, что семья Веры всегда была очень дружной, что каждый думал друг о друге, и эта традиция близких семейных отношений передается от поколения к поколению. Для Веры очень значимым оказалось то, что дед о ней думал и хотел оставить на память подарок для внучки, героине было очень приятно, что платье оказалось купленным именно на эти деньги: «Жалко, что нельзя на тот свет отправить смс или фотку переслать. Представила, как дед снимок меня в этом платье по всей умершей родне расшаривает. «Какая у меня внучка выросла!». И ангелы лайкают» [Романовская 2016].

Далее Вера пишет в своем интернет-блоге о том, что заставило ее по-другому взглянуть на Веру Мироновну – классную руководительницу: «И она мне вдруг с порога: «А ты знаешь, что у Веры Мироновны мама погибла в том ДТП?». Я вообще про ДТП ни ухом, ни рылом. Оказывается, гипс на руке — это перелом. ВМ и ее мама попали в аварию. Мама в реанимацию. А ВМ только руку сломала. И чуть ли не на следующее утро пришла на урок. И потом ездила к своей маме и все такое. А потом мама ВМ умерла перед самым днем рождения ВМ. И она маму хоронила, вместо своего дня рождения. А учителя нам ничего не говорили. А ей соболезновали! А я

думала, они ее так уныло поздравляют. Стыдно! Если бы можно было стереть мысли?! И как мы с Л. ржали! И как я ВМ ненавидела и желала ей смерти. Я не буду удалять эту запись. Это бессмысленно» [Романовская 2016]. После этой истории, услышанной от подруги, Вера увидела в классной руководительнице не только источник ее проблем в школе, но и наконец-то увидела в ней человека. Ей стало по-настоящему стыдно за то, что она так плохо думала про Веру Мироновну. И даже стала переживать, что вдруг она своими мыслями могла притянуть такую беду: «А вдруг, точно, что произошло с ВМ и ее мамой, это из-за того, что я ВМ так ненавижу? Вдруг я ее сглазила? Это бред бредовейший. Я не знаю. И никогда не узнаю» [Романовская 2016].

Мнение главной героини о Вере Мироновне изменилось еще больше после истории, произошедшей в семье лучшей подруги Веры – Лильки. Про своего отца Лилька очень часто рассказывала Вере: «Она меня начала первой грузить про своего отца, как обычно. Л всегда говорит «я с тобой, я рядом, я тебя поддержу», а потом, когда мне на самом деле надо выговориться, она начинает опять по сто раз гнать про своего папашу. Как будто нарочно. У меня нет отца и я не знаю, каким бы он был. Такого как у Л я точно не хочу. Но как будто от того, что у меня нет отца, я какая-то особенно счастливая. Л так считает», «Мы пили чай и Л. рассказывала про то, как он на нее орет и доскребается, а потом через пять минут к ней в комнату приходит с наивными глазами: «А как у тебя дела, доча?», как будто не он только что орал Л, что она тупая и ее правильно не возьмут в десятый», «Я начала про то, что завалить ГИА это не самое страшное, но дальше уже сама Л говорила. Про то, как это подло и мерзко, как она ненавидит отца, потому что она беспомощная и ей деться некуда, он это знает и все равно так поступает, и про то как я ее поддерживаю. И мы обе плакали» [Романовская 2016]. И, если поначалу Вера не всерьез воспринимала переживания Л: «Отец Л подарил ей айфон. Просто так. Она принесла в школу. А потом опять придет

ко мне и будет рыдать о том, какая она несчастная обиженка и как ей папочка жить не дает. А я опять буду жалеть. Овца. Вы действительно хотите удалить эту запись? Да» [Романовская 2016], то позже случается нечто, что заставляет Веру по-настоящему переживать за подругу.

Когда однажды, Лилька не пришла в школу, Вера не придавала этому большого значения. Но затем, Вечером, Лилька прибегает к подруге домой вся в слезах и избитая, главная героиня испытывает потрясение: «Мне тяжело дышать, когда я об этом думаю. Это как читать про фашистов. Лилькин отец хуже фашиста. Они это делали с чужими детьми, а он со своей дочерью. Я знала, что такое может быть. Я не знала, что такое может быть с кем-то из тех, кто рядом» [Романовская 2016]. Но еще больше ее потрясло то, что она увидела после того, как Лилька сняла капюшон: «А она сняла капюшон. У нее вместо косы теперь была очень короткая стрижка. Не стильная, а как у суворовца. Я вспомнила кино про женщин на Первой мировой. Как их стригли наголо, а они рыдали. Я подумала, что Л собираются в суворовское поступать (Оно рядом, на Бабушкинской, теперь туда берут девчонок). Потом еще какую-то глупость подумала. Л говорит: — Мне этот гондон косу срезал. Ножом. «Гондон» — это ее папа. Л пошла ко мне в комнату, легла на ковер, в том углу, где всегда любила лежать. — Я на катке упала и лицо разбила. Ясно?... — Ты правда на катке упала? — Ты дура, что ли? Ее чокнутый отец. Он ее избил. И отрезал ей косу, ножом. Он гонялся с этим ножом за ней и за мелкими. А мама пыталась их защитить. Л боялась, что он ударит маму. Но он ее просто избил. В смысле — Лилькину маму. А когда Лилька полезла их разнимать, отец избил ее. До сотрясения мозга. — Он был пьяный? — Нет, просто гондон» [Романовская 2016]. Злость Лильки на отца была настолько сильна, что она проклиняет его, желая ему смерти: «Лилька сказала: — А вдруг он завтра сдохнет? И сказала, что прокляла отца, изо всех сил. Когда жила у тетки, то ночью, вместо того, чтобы спать, она лежала и мысленно повторяла «чтоб ты сдох». Тысячу раз. Или больше?

Одновременно повторять и отсчитывать сложно, я же пробовала» [Романовская 2016]. Не зная, как успокоить подругу, Вера просто ложится на пол рядом с Лилькой и обнимает ее: «А потом легла на пол рядом с Л. Мне хотелось ее обнять и сказать, что все будет хорошо. Но Л была как раскаленная лампочка. Так дрожала. Она плакала без слез. Это страшно было. Мне хотелось включить свет и музыку. И вообще шевелиться. Но Лилька плакала, а я лежала рядом. И вспоминала, как мы раньше чай пили на кухне, по несколько часов. С эклерами и слезами. Сейчас пирожных не было. Но я бы могла пельменей сварить» [Романовская 2016].

На вопрос матери Веры: «А почему ты раньше никому не говорила про отца?», Лилька ответила так: «— А он мне айфон подарил». Про эту ситуацию Вера пишет: «Вот это было самое страшное, мне кажется. Не синяки и не то, как у Л дрожали пальцы. А что она про себя как про вещь думала. Себя оценила в стоимость айфона» [Романовская 2016]. В этот момент, читатель отмечает взросление Веры, переоценку ее ценностей. Она понимает, что самое ценное – это не дорогие вещи, а здоровые человеческие отношения, крепкая семья.

В этой ситуации также большое внимание и уважение заслуживает реакция мамы Веры. Она не сдаёт Лильку, когда за той приходит мать, ища ее по всем углам их квартиры. После ухода матери Лильки, мама Веры принимает очень мудрое решение, которое поначалу кажется обеим девочкам кошмаром – поехать к Вере Мироновне и оставить Лильку ночевать там: «Можно, я позвоню человеку, которому я доверяю? Мы сейчас туда пойдем... — Зачем ты ей позвонила? Мама сказала, «потому что она меня спасла». И добавила, что «ваша Вера Мироновна единственный нормальный человек в этой чертовой школе» [Романовская 2016].

Несмотря на то, что Лилька и Вера посчитали маму предателем, в итоге это решение оказалось действительно верным, так как Вера Мироновна также поступает очень мудро: «ВМ кивнула, сказала, что им с Лилькой надо

поговорить вдвоем. И что она во всем разберется. И только потом она будет звонить ее родителям» [Романовская 2016]. Увидев, что учительница не стала тут же вызывать полицию или звонить родителям Лильки, Вера полностью меняет свое прежде негативное отношение: «Мам говорит: — Ну мы тогда пошли? И дергает меня за рукав. Будто я маленькая. А мне правда хотелось быть маленькой. Учиться в первом классе и никогда не ссориться с ВМ. Не ненавидеть ее столько лет» [Романовская 2016].

Далее мама Веры делится с ней историей, объясняющей, почему Вера Мироновна для нее такой близкий человек и по какой причине она ей так доверяет: «А мам говорит: «Знаешь, почему я не вышла замуж за твоего отца?» Мне кажется, что я знала. Но мам рассказала совсем другую вещь. Когда она узнала, что беременна, то мой отец повел ее знакомиться со своей мамой. С той бабушкой, которую я никогда не видела. И моя мама этой бабушке не понравилась. Когда мама вечером собралась домой, бабушка (папина мама) сказала моему будущему папе: — Володя, сейчас очень поздно. Проводи Элю до остановки и сразу иди домой. Я буду волноваться. Мой будущий папа тогда жил в Ясенево. А мама как и сейчас, у нас в Алтуфьево. Было лето, но все равно уже поздно и темно. А мама уже была беременная. И ее нельзя было одну на другой конец Москвы отправлять ночью. Они пошли на остановку. И моя мама подумала: «Если он сейчас сам решит, как поступить, я с ним останусь». А папа ее все равно только посадил на автобус и пошел домой. Боялся, что его будут ругать. И моя мама его разлюбила. За одну секунду. Потому что он побоялся ответственности...И она в тот вечер к ВМ, оказывается, поехала» [Романовская 2016].

После истории, рассказанной матерью, для Веры объяснились вещи, на которые она долго не могла найти ответа: почему мама не вышла замуж за папу и почему мама так любит Веру Мироновну. И теперь героиня осознала, почему мама назвала ее Верой – в честь своей любимой учительницы, которая ей помогла: «Для меня это почему-то было важно. Я, кстати, раньше

не знала, почему меня называли Верой. Мама всегда говорила «Красивое имя. Мне так захотелось» [Романовская 2016]. И теперь Вере было приятно эта одинаковость их имен, хотя раньше ее это раздражало.

Спустя небольшое время после этих событий в блоге Веры появляется следующая запись: «Флэш-моб. 10 вещей, которые я хочу». И очень символичным кажется то, что среди банальных желаний, типа «айфона», «желтых грубых мужских ботинок», «сжечь школу» и т.д. появляется пункт: Выйти замуж. Не так: знать, что я выйду замуж и у меня будут дети!» [Романовская 2016]. Желание иметь детей упоминается и в следующих постах: «У новых соседей есть мальчик Витя. Ему два года и два месяца. Он говорит, что его маму зовут Мама. Он вообще ужасно ужасно ужасно... Я не люблю слово няшный, но он правда няшный. НЕЖНЫЙ. Я хочу, чтобы у меня родился сын» [Романовская 2016]. Этот факт доказывает эволюцию героини, утверждение в ее душе иных, нематериальных ценностей, главная из которых – семья.

Ценность семьи для главной героини проявляется также и в отношении к домашнему любимцу – собаке по кличке Марсик. Девушка регулярно пишет о нем, ведь он для нее поистине член семьи: «Марсик опять заболел», «Мне Марсика жалко», «Мне стихи легче всего запоминать, когда я иду куда-то. Ритм стиха и ритм шагов совпадает. Но это надо без Марсика, потому что он или быстро тянет поводок, или приседает надолго, а я стою. С ним на ходу можно только англ глаголы или правила по образованию времен повторять», «Хотела с Марсиком пройтись» [Романовская 2016]. и т.д. Вера очень переживает за своего пса, так как он уже совсем старый и часто болел: «Мама сказала, что Марсика оставили в стационаре. Ему поставили капельницу. Она завтра зайдет его навестить. Я по нему скучаю, по придурку слюнявому. Вернется — пойдём с ним к синим домам. На сколько он хочет. Вы действительно хотите удалить эту запись? Да. Вы действительно хотите

удалить эту Веру? Да. Очень-очень. Удалите меня, кто-нибудь» [Романовская 2016].

Настоящей трагедией для нее становится новость, что оказывается Марсика не оставили в стационаре, а что мама его усыпила, специально не говоря об этом дочери: «У меня больше нет собаки! Она мне врала! Чтобы я готовилась к ГИА. И ни о чем не беспокоилась! Марсик заболел еще в октябре. Я тогда думала, что уколы — это из-за печени. А это совсем другое. Мама решила, что усыпит его только тогда, когда ему станет совсем плохо. М прожил с нами еще полгода. Мама знала, что он скоро умрет. Она мне не говорила. Из-за ГИА, блин!!!! Каждый вечер я собираюсь пойти гулять с собакой. А ее БОЛЬШЕ НЕТ. Мама мне прислала смс со стихами про Радугу, на которую они уходят. Сама убила и сама же жалеет! Вы действительно хотите удалить эту запись? Да» [Романовская 2016].

В дневнике Веры появляется стих, отражающий ее состояние:

По ночам здесь взмывают вверх и такси, и Скорые.

Как чужая планета — большая окраина города.

Ты идешь в темноте, обходя на асфальте вмятины.

Осторожно неся на руках что-то очень мягкое.

И кричишь, глядя вверх, в безнадежную пустоту.

Понимая, что крик бесполезен, как вызов Скорой.

«Господи! Эй! А в раю точно есть обои?!

Ты их точно дашь разодрать моему коту?!» [Романовская, 2016].

Читатель, видя это удаленное стихотворение, осознает всю душевную боль героини. Чувствуется, что Вера, точно так же, как и лирический герой стихотворения, испытывает чувство одиночества, пустоты: «Как чужая планета — большая окраина города». Образ темноты создает ощущение страха и безысходности, которое затем подчеркивается и фразами: «в безнадежную пустоту», «крик бесполезен». И последние строки – это крик

отчаяния. Лирический герой осознает невозвратимость утраты, такую же боль испытывает и Вера. Стихотворение было тут же удалено героиней, так как затрагивает слишком глубоко ее сердце.

Прощает мать Вера тогда, когда понимает, как маме нелегко далось решение об усыплении собаки: «И я поняла. Мама до сих пор вечером ходит гулять с Марсиком. Я тогда маме позвонила и сказала: — Я тоже пойду «погуляю с собакой» Мама не удивилась. Спросила: — Мне пойти с тобой? А я говорю: — Ну зачем? Со мной Марсик будет. И я прямо вот знала, что со мной ничего не произойдет», «У нас теперь есть Марсикова Береза. Можно к ней приходить. Но мне, наверное, не захочется. Я с ним попрощалась» [Романовская 2016]. Но тогда, когда Вера узнает, что дерево спилили, эта новость наводит ее на грустные размышления не только о собаке, но и о конце ее детства: «Шла сегодня мимо дома Л. А дерева моего счастья там нет. Грозой сломало и его спилили. Если бы я знала, когда его будут пилить, я бы взяла себе на память веточку или щепочку. У меня больше нет собаки и нет дерева. И нет подруги. И детство, кажется, тоже уже кончилось», «Оказывается, всего один разговор может столько всего поменять в жизни, поменять самого человека. Я думала, так бывает только в кино или в книгах. Я сама сейчас как в фильме про себя. Один разговор, один шаг. Это банально (Банальное слово «банально»). И говорить «Я тебя люблю» тоже банально. Вы действительно хотите удалить эту запись? Да» [Романовская 2016]. С этого момента Вера по-настоящему меняется, взрослеет. В ее блоге больше не будет глупых желаний, смеха над другими людьми и пр. Ее записи стали куда серьезнее, о более важных вещах.

В конце повести Вера описывает заключительную поездку в дом престарелых вместе с классом. Ранее героиня рассказывала об этих поездках, но не особо подробно. Последняя же поездка очень ее тронула. Особенно история одной старушки: «И сказала, что они в войну с сестрой жили в деревне в прифронтовой полосе. Сперва в доме, а потом, когда его сожгли, в

землянке. И их в этой землянке так проморозило, что ни у нее, ни у сестры не могло быть детей. И что сестра потом замуж вышла за моряка. А сама бабулька сперва на заводе работала, потом училась, а потом опять на заводе. Мне сперва интересно было, потом грустно, потом просто хотелось в туалет. И странно было слушать про войну просто так, не в актовом зале, не в классе и не от автора документального фильма. Я не знала, как дальше быть. Я даже не знала, что сказать» [Романовская 2016].

История от старушки, слезы и слова благодарности других стариков заставили задуматься Веру о глубоком: «Когда я сняла гимнастерку, то заметила, что все это время не могла нормально дышать. Что у меня спина была прямая. Как будто, не знаю, это была не гимнастерка, а непосильная обязанность», «Я ничего не могу писать про то, как было в доме престарелых. Я всегда это буду помнить. Я потом плакала в автобусе» [Романовская 2016]. Из дома престарелых Вера выходит абсолютно другим человеком. Эта ситуация даже заставила ее посмотреть иначе на того, кто был всегда рядом: «Мы сидели на одном сиденье с Пашей и я плакала в Пашину куртку. У него не было платка. Он говорит, хочешь, я куртку тебе дам? Он не «девочки и Паша», он просто Паша Фаддеичев. Хороший. Как моя собака. Я говорю: «Ты добрый как мой Марсик». И он не стал шутить. Ненавижу, когда люди шутят, чтобы сделать вид, что не больно и не плохо. Иногда нельзя так шутить! У Паши собаки не было, был кот. Поэтому он понимает, что в таком разговоре шутить нельзя» [Романовская 2016].

На выпускном Вера приходит к неожиданным для себя выводам о том, что не хочет уходить из школы. И более того, она собирается после окончания школы поступить в педагогический на раннее ненавистный для нее иностранный язык: «Не хочу уходить из нашей школы. Я попробую потом поступить в пед на иняз. Именно в пед. Чтобы одну параллель вести с первого по девятый, от слова «яблоко» до сослагательного незаконченного

прошедшего времени. Хотя оно — бессмысленно и беспощадно» [Романовская 2016].

Свое внутреннее взросление за этот год ощущает и сама героиня: «Такое ощущение, что я за этот месяц прожила еще одну жизнь, совсем чужую и новую. А в эту больше не вернусь. Я из неё выросла. Закончила девятый класс и кусок своей жизни. И как будто сдала еще один ГИА — по себе самой» [Романовская 2016].

Вера ощущает окончание девятого класса как некий пройденный необходимый этап, который сделал ее умнее, взрослее и мудрее. А после окончания одного этапа, следует другой, и Людмила Романовская дает читателю намеки на то, что будет после: поступление Веры в педагогический на ин. яз., обретение нового питомца (подарил отец на окончание школы), появление информации о будущей судьбе Лильки (мать ушла от отца и дети вместе с ней переехали жить в другой город). А также читателю становится известно о зарождающихся первых романтических чувств между Верой и Пашей: «Я подарила Пашке мой брелок-ботинок. Совсем облупленный, из него немного вата торчит. И замша стала жесткая, как кожа. А шнурочек потерялся. Ботинок не состарился, а вырос» [Романовская 2016]. Даря другому человеку то, что имело для нее такую ценность – брелок, подаренный матерью, читатель понимает, насколько данный парень стал близким для главной героини. Примечательно также и то, что ботинок на брелоке «вырос». Этот ботинок становится метафорой взросления самой героини. Последняя запись в интернет-блоге оставляет читателю надежду о продолжении этих чувств: ««100 дней меня»: Вчера мы с Пашей ездили в дом престарелых. Этот дневник больше не ведется и закрыт для всех» [Романовская 2016].

Примечательно, что Вера меняет в последней записи «100 дней счастья» на «100 дней меня». Получается, что сама героиня тем самым говорит о том, что теперь она по-настоящему счастлива. Перед читателем

предстает переродившаяся девушка, полностью изменившая свое мышление, которая обрела себя. Вера поняла истинную ценность жизни – это ее близкие люди. За один учебный год героиня-подросток избавилась от всего фальшивого и ненужного, осознала цену людей, которые всегда были с ней рядом. Интернет-блог был для нее нечто таким, что помогало ей понять поступки себя и других людей, помогая меняться в лучшую сторону. И тогда, когда героиня понимает, что она преодолела этот трудный переходный этап на пути к новой счастливой жизни, Вера решает удалить свой дневник, ведь теперь ей хочется оставлять все самое ценное и дорогое исключительно для себя.

2.2. Образ школы в современной подростковой прозе

Современные авторы, пишущие для подростковой аудитории, находятся в поиске тем и сюжетов, актуальных для этой сложной категории читателей. М.А. Литовская отмечает, что «важнейшей задачей этого сегмента литературы, причем задачей, осознаваемой писателями, является последовательная и целенаправленная социализация молодого человека, передача ему существующих в обществе представлений о ценностях, социальных ролях, нормах, достойных моделях и формах поведения. Предполагается, что на границе детства / взрослости необходимы произведения, закрепляющие в сознании подростка базовые ценности, многократно их повторяющие и транслирующие» [Литовская 2010: 26].

Но проблема заключается в том, как пишет М.А.Литовская, что общество само не может сформулировать те идеалы, на которые должны

ориентироваться люди и к которым нужно стремиться подросткам: «разбалансированность социальных институтов, свойственная постсоветскому мироустройству, гибридность норм и практик социальных отношений, отсутствие единых критериев оценки поведения привели к тому, что представления подрастающего поколения о том, «что такое хорошо и что такое плохо», оказались изначально противоречивыми» [Литовская 2010: 28]. Из-за противоречивости моральных и социальных норм остается нерешенным вопрос: кто укажет верный путь в воспитании подрастающего поколения?

В обществе принято возлагать эту ответственность на школу, как на основное место пребывания ребенка. Школа – особое место для каждого из нас нередко становится центром различных споров, ведь у каждого свое мнение о том, как нужно воспитывать и обучать детей. М.А. Черняк в своей статье «Школа как диагноз» пишет о кризисе литературы в современном обществе, так как Учитель перестал быть ее героем: «В знаковых произведениях 1970-80 гг. о школе и учителях (А. Лиханов «Благие намерения», А. Алексин «Безумная Евдокия», В. Тендряков «Ночь после выпуска», В. Распутин «Уроки французского» и др.) общие стандарты отношения общества к школе преломлялись сквозь призму индивидуальных особенностей и личных качеств учителей. Сегодня на месте подобной литературы – зияющая пустота» [Черняк 2010 : 8].

Необходимо отметить, что и раньше школа не всегда изображалась как образец высоких моральных истин. М.А. Черняк отмечает, что «критическое изображение школы являлось своеобразным лейтмотивом всей русской классической литературы» [Черняк 2010 : 17] (говоря это, М.А. Черняк имеет в виду «Очерки Бурсы» Н.Помяловского, автобиографическую повесть С.Аксакова «Гимназия», роман «В путь – дорогу!» П. Боборыкина, «Гимназисты» Н.Гарина-Михайловского, «Кондуит и Швамбрания» Л.Кассиля, повести Л.Чарской, и др.). Далее М.А. Черняк приводит цитату

обозревателя «Огонька» А. Архангельского о сериале В.А. Германики «Школа», подтверждающую ее выводы о кризисе культуры в целом из-за потери образца, в том числе и в фигуре Учителя: «Если бы в фильме Германики при прочих равных появился бы настоящий учитель с грустью в глазах, или высоконравственный четверочник с убеждениями, или, наконец, хулиган с настоящим сердцем внутри, или жертва жестокости одноклассников – словом, один из тех типов, на которых всегда держалось наше кино о переходном возрасте, – все остальное, будучи оттенено этим учителем-образцом, мальчиком-истиной или девочкой-жертвой, выглядело бы не так пугающе» [Черняк 2010: 18].

Доказывая, что жанр школьной повести переживает не лучшие времена, М.А. Черняк приводит диалог ученика с учителем из сериала «Школа»: «На фразу ученика, героя сериала «Школа», «Но я ведь личность» пожилой учитель отвечает: «Ну, положим, личность я в последний раз видел году так в 1980-м»» [Черняк 2010: 19]. В этом диалоге остро ощущается разрыв между поколениями взрослых и детей: «Вполне закономерно, что адекватное и правдивое изображение сегодняшней школы практически невозможно: ведь то, что вспоминают писатели с советским опытом о собственном отрочестве современным молодым читателям непонятно, – повседневность, язык, темп и восприятие времени, ценности за последние двадцать-тридцать лет изменились неузнаваемо; подросток 1970-х и подросток «нулевых»» [Черняк 2010: 19].

Итак, на сегодняшний день образ школы в литературе представлен достаточно противоречиво и неоднозначно. Практически идеальный, светлый образ школьного Учителя, сформированный в 70-80 гг. прошлого столетия на сегодняшний день оброс абсолютно другими ассоциациями, иногда прямо противоположными тем, что были сформированы в советской литературе.

Рассмотрим новейшие произведения о школе, а именно цикл А.В.Жвалевского и Е.Б.Пастернак «Шекспиру и не снилось» (2013 г.) и

повесть Г.Ш.Нугмановой «Школота» (2016 г.), чтобы выяснить, как представлен в них образ школы, какова его художественная специфика и принципы изображения окружающей реальности, с которой взаимодействует подросток сегодня. Выбор этих произведений обусловлен тем, что именно в них наиболее ярко представлена роль школы в формировании личности подростка. Также важно обратить внимание на образы учителей и выяснить, сохраняется ли в новейших произведениях тенденция на «вымирание» образа Учителя как образца нравственности.

В цикле А.В.Жвалевского и Е.Б.Пастернак «Шекспиру и не снилось» показан целый учебный год глазами одного класса. Это произведение необычно отсутствием единой сюжетной линии, рассказы представлены как отдельные отрывки воспоминаний о периоде учебы в седьмом классе. Более того, мы видим жизнь этого класса с точки зрения разных рассказчиков, сменяющихся от рассказа к рассказу. Такая особенность построения цикла позволяет увидеть то, что всех героев и сюжеты рассказов объединяет одна проблема – отсутствие понимания между детьми и взрослыми (учителями и родителями).

Так, вчерашние дети, сегодня – семиклассники, подчеркивают свою «взрослость» уже с первых страниц рассказа «Новый год в 7 «А». Семиклассники уже явно не хотят водить хороводов со Снегурочкой, неохотно участвуют в конкурсах и сопротивляются, когда их называют «детьми». Им гораздо интереснее «прикалываться» друг с другом, чем играть в детские игры.

Конечно, у этих семиклассников уже совсем другие, «недетские» проблемы. И здесь обнаруживается еще одна особенность данного цикла – обилие диалогов. В рассказах этого цикла очень мало повествовательных фрагментов, чаще всего это диалоги между одноклассниками. Например, подростки могут долго обсуждать то, как пригласить одноклассницу на свидание, какое фото выложить «ВКонтакте», что будет, если зажженную

петарду бросить в унитаз, что подарить девочкам на 8 марта и т.д. Целая масса вопросов и проблем, которые подросток никогда не будет обсуждать с взрослыми.

Зачастую в повествование включается внутренняя речь рассказчика-подростка, анализирующего происходящую ситуацию в его жизни, например: «Я знаю, что я не красотка, и мне не нужно, чтоб прям все мальчики были моими. Мне хватит двух-трех. Да мне и одного б хватило, но только чтоб наверняка. Чтоб слова красивые говорил, чтоб написал на стене «Полюша, солнышко». Я видела, такие есть! Где-то такие есть! И они пишут. Только другим пишут. Не мне», «Интересно, а эта Снеженика в каком классе? По ходу, в девятом, не меньше. Захочет она в виртуале с семиклашкой замутить, да еще с таким ботаником-отличником, как я? Да еще из далекого Иркутска. Надо под москвича закосить. И покруче с ней...» [Жвалевский, Пастернак 2013]. Эти внутренние монологи чаще всего направлены на то, чтобы определить свое место в этом мире и среди сверстников, что, конечно же, является самым главным и самым сложным для подростков.

На этом фоне ярко прослеживается то, что диалоги подростков со взрослыми в рассказах сведены к минимуму. Даже с родителями дети не стремятся вступать в близкий контакт. А все потому, что родители безразличны к ежедневным событиям жизни подростка: почему их ребенок не хочет ехать на тренировку, из-за чего он подрался в школе, какое видео хочет показать на телефоне, желает ли участвовать в очередных олимпиадах и соревнованиях и т.п. Анализируя это, становится понятным, почему, например, Таня в рассказе «Назло!» решаете закурить сигарету, ведь мама ей все равно не поверит, что она до этого никогда не курила.

В части «Шекспиру и не снилось» происходит кульминация конфликта мира подростков и мира взрослых. По сюжету, семиклассницы Маша Иванова, Милка Кислицина и Таня Лопахина отправляются в театр,

где начинают громко смеяться в самом напряженном моменте. Естественно, что рядом сидящие взрослые посчитали их «отмороженными и бесчувственными уродами». Но только читатель знает, что время трагичной сцены самоубийства Джульетты Таня вспоминала про тяжелую болезнь младшей сестры, а Милка думала о том, как рыдала мать, когда отец ушел из семьи к любовнице. Трагическая сцена, во время которой все люди сидели с «печальными» лицами, показалась им сущим пустяком по сравнению с тем, что происходит в реальной жизни этих девочек: «Так что я не собираюсь рыдать, как некоторые, когда вижу эту шекспировскую дурь. Смешно мне, понимаете! Мне смешно!!!» [Жвалевский, Пастернак 2013]. Появление такого сюжета среди других рассказов цикла весьма необычно, так как здесь читатель воспринимает подростков не с точки зрения родителей или учителей, а совершенно посторонних людей, далеких от школы. Тем не менее, никто из взрослых не догадывается, что скрывается под маской неуместного смеха героев рассказа.

О роли учителей в жизни этих подростков можно судить по рассказу «Сочинение». Конфликт между учениками и учителями возникает из-за того, что некоторые семиклассники отказываются писать скучное изложение о пользе чтения книг. И, очевидно, что их не столько смущает тема изложения, выбранная молодой практиканткой, сколько возмущает то, что нельзя писать на свободную тему. Подростками воспринимается это как неуважение к их личностям. И только явный протест Рожко заставил учителей прислушаться к желаниям учеников. Правда, даже дав ему возможность писать на произвольную тему, завуч все равно осталась недовольной: «Вчера к нам в класс влетела завуч по воспитательной работе и захлебываясь словами начала кричать про то, что она не позволит что-то там, что это подрыв чего-то там, и вообще такого она от нас не ожидала. При этом она все время косилась на портрет президента и норовила встать по стойке «смирно». Честно говоря, мы ничего не поняли» [Жвалевский, Пастернак 2013].

Показательно, что ни имени практикантки, ни имени завуча не называется в рассказе, зато всех учеников класса мы знаем поименно. Этот факт указывает на незначительность роли учителей для этих подростков.

В цикле «Шекспиру и не снилось» обнаруживается явный конфликт между взрослыми и детьми. Для подростков важнее оказывается то, что скажут их одноклассники и друзья, чем то, что скажут их родители или учителя. Для взрослых важнее оказываются их собственные заботы, они не придают значения проблемам детей. Из-за того, что каждая из сторон не стремится понять друг друга, регулярно возникают недопонимания.

Очевидно, что для подростков важен исключительно круг их сверстников. В финальном рассказе «Свобода!» мы видим весь класс в неформальной обстановке похода. Несмотря на то, что в планы девчонок входило быть красивыми и заигрывать с мальчишками, а у парней - незаметно распить пиво в лесу, одноклассники были объединены одной целью – дождаться ночи, когда уснут учителя, и повеселиться всем вместе. И вот, ночью, тайно, когда, наконец, все одноклассники собрались на берегу озера и осознали свою свободу от взрослых, они так и не смогли ею насладиться, а начали спорить, вспоминая прошлые обиды. Когда споры перерастают в ругань, наступает рассвет: «Солнце вставало уверенно и неторопливо, было понятно, что оно взойдет, несмотря ни на что. Можно было продолжать ругаться, или умереть, или разом прыгнуть с обрыва, или спеть какой-нибудь гимн — солнце все равно встало бы» [Жвалевский, Пастернак 2013]. Все ребята замолкли и заворуженно смотрели на встающее солнце... В этой сцене подростки становятся какими-то другими, лучше, чем на протяжении всей книги: «...все стали отводить глаза в сторону, стараясь не наткнуться взглядом друг на друга. Долговязый Кирилл отпустил куртку Лопуха, которую он, оказывается, продолжал все это время сжимать. Смутился и расправил Лопуху воротник. Пухлый Лопух смутился еще больше, и его оттопыренные уши горели ярче рассвета. Никитос, попросив

взглядом прощения у Леры, набросил куртку на плечи Полины. Полина, маленькая и хрупкая даже на фоне худощавого Никиты, сделала полшага и оказалась совсем рядом с ним. Никита обнял ее за плечи — и никто не засмеялся» [Жвалевский, Пастернак 2013]. По контрасту с предшествующими эпизодами, автор меняет здесь душевное состояние подростков, показывая их обычную жизнь, общение, переживания рядом с образами природы и образами вечности.

Обратимся к повести Г.Ш.Нугмановой «Школота». Произведение также построено таким образом, что в нем нет единого сюжета, а лишь разрозненные фрагменты повествования (сцены реальной жизни, переписка в «ВК», посты на форуме, приемы у психотерапевта, мысленные образы, цитаты великих людей, отрывки из сочинений и т.д) «склеены» в одно целое. Как и цикл А.В. Жвалевского и Е.Б. Пастернак повесть Г.Ш. Нугмановой также включает в себя множество диалогов. Но в отличие от «Шекспиру и не снилось» «Школота» показывает не столько общение подростков друг с другом, а преимущественно диалоги между подростками и учителями. Если учесть, что школа в этом произведении не совсем обычная, а школа-интернат, где у большинства детей дефицит общения с родителями, то можно с уверенностью сказать, что учителя играют в их становлении как личностей важную роль.

В повести мы смотрим на происходящее не глазами подростков, а глазами молодой учительницы, Марии Александровны Мироновой. Именно от ее лица ведется повествование в большей части повести, ее мысли и внутренние диалоги самой с собой мы читаем на протяжении всего произведения. Такое построение художественного текста позволяет нам взглянуть на другую сторону одной медали: посмотреть на современных подростков глазами учителя.

Повесть Г.Ш.Нугмановой «Школота» уже своим названием подчеркивает проблемный характер изображаемых в нем подростков из

школы-интерната «ШАНС». Конфликт подростков (10 класс) с миром «взрослых» обнаруживается уже в первой главе «Свиньи», где Мария Александровна Миронова решает отказаться от классного руководства, потому что ребята в очередной раз устроили беспорядок в классе. И, как ни странно, в этой сцене «взрослые» и «дети» как бы меняются местами, потому что школьники ведут себя намного мудрее и классного руководителя, и даже директора школы. Одноклассники объединяются, думают, как им извиниться, в то время как учитель, кроме вывески «Здесь живут свиньи» на двери кабинета, ничего лучше придумать не смогла.

Отказываясь от классного руководства, М.А. Миронова расписывается в собственном бессилии, ведь даже такую, казалось бы, простую ситуацию, как беспорядок в классе, она не в состоянии решить. Этот эпизод показывает читателю, что учитель – не всегда сильная личность, которая может преодолеть любые преграды и повести за собой детей. Иногда этот самый учитель морально слабее, чем его ученики.

Повествование прерывается регулярными «вставками», например, перепиской «классной» с директором: «Я поговорю с ними, скорее всего, они постараются изменить ситуацию. Если они одумаются, ты заберёшь заявление? — Виктор Петрович! Они же не дети! Им по 16-17 лет, это уже взрослые люди, они уже пьют, курят, работают, спят друг с другом. А элементарным вещам – убирать за собой – до сих пор не научились! — Машенька, я ещё раз повторяю: если я с ними поговорю, и они исправятся, ты будешь у них классным руководителем? — Они не исправятся! — Если они пообещают следить за порядком в классе? — Я не знаю, возможно...» [Нугманова 2016] или записью приема у психотерапевта: « Как прошла неделя? Что вас встревожило, беспокоило? — Один мой ученик сказал, что меня зарежет, когда станет хирургом и если я попаду к нему под нож. — Вы думаете, он серьёзно? — Нет, конечно, но всё-таки. — Что вы почувствовали, когда он это сказал? — Недоумение, растерянность, обиду»

[Нугманова 2016]. Эти «вставки» помогают глубже понять главную героиню, М.А. Миронову, раскрывают ее характер. Читатель понимает, что молодую учительницу нельзя в полной мере назвать «взрослым» человеком, так как зачастую она не знает, как правильно поступить в той или иной ситуации, постоянно ищет совета.

Отношение родителей к своим детям, ученикам данной школы-интернат, показано в главе «Выкидыш». Родители не знают своих детей и не пытаются их понять. Одним важно только то, чтоб их ребенок просто получил аттестат любой ценой, другие в своем ребенке видят только «домработницу», третьи за чередой вечных семейных скандалов и шума от телевизионных передач вообще забывают, что у них есть ребенок. Родители сами «выкидывают» своих детей в школу-интернат, чтобы те не мешали им строить свою жизнь, а потом удивляются, почему их дети теперь не хотят учиться, не уважают своих родителей и вообще «катятся по наклонной». Можно прийти к выводу, что родителей тоже нельзя в полной мере назвать «взрослыми», потому что они тоже не готовы нести ответственности за свои действия, не видят своих ошибок.

Как отмечалось выше, диалогов между подростками в повести немного. И в этих немногочисленных диалогах чувствуется, что подростки, в отличие от «взрослых», знают, чего хотят, и в состоянии сами решить свои проблемы. Например, они способны понять, что учитель по английскому языку не сможет их качественно подготовить к ОГЭ и просят директора заменить его: «А я всё равно боюсь.— Ничего, директор нам говорил, что в школе есть возможность выбора педагогов. Пусть теперь свои слова делом докажет. — Никто не будет нам менять учителя в феврале, неужели ты этого не понимаешь? — Я надеюсь, что директор выполнит своё обещание. — Конечно, ему больше делать нечего! — Я видел, как он разговаривал с Владимиром Романовичем, тот ушёл очень недовольный. — Но это не

значит, что нам заменят учителя, вот придём завтра на урок – нам ещё от Романыча и достанется! — Посмотрим, кто кого» [Нугманова 2016].

Как ни парадоксально, но «взрослыми» в этой повести можно назвать только учеников. Дети школы-интернат «Шанс» давно уже «переросли» и свою молодую учительницу, и своих родителей, и даже директора-идеалиста, который не видит в школе проблем, пытаюсь «сгладить» любой конфликт. В школе, где нет столовой, нет спортзала, нет охранника, с ранних лет подростки сами учатся организовывать свое питание, находить теплую одежду для занятий физкультурой на улице, самостоятельно следить за дисциплиной в школе. Эти дети привыкли все решать самостоятельно.

Итак, тема школы в новейших произведениях представлена неоднозначно. Школа в этих произведениях представляется как место, где ученики и учителя находятся в постоянных конфликтах, где обе стороны даже не хотят услышать позицию друг друга. Так же, и в цикле А.В.Жвалевского и Е.Б.Пастернак «Шекспиру и не снилось», и в повести Г.Ш.Нугмановой «Школота» нет того самого образа Учителя, которого можно было бы воспринять как образец, к которому нужно стремиться. У родителей, с их вечными делами и проблемами, зачастую нет ни времени, ни желания заниматься подростками. Отдавая своих детей в школу, они надеются, что там их научат «разумному, доброму, вечному». Однако и учителя далеко не всегда могут являться примером для подражания подросткам, потому что часто не видят своих собственных ошибок. Ни учителя, ни родители не понимают и не хотят понять современное поколение. Получается, что дети предоставлены сами себе, и, путем проб и ошибок, учатся жить в современном мире, наполненном множеством испытаний.

Оба произведения, проанализированные нами, представляют собой «мозаику» из не связанных между собой единой сюжетной линией отрывков. Такое сплетение разрозненных событий в одну цепочку напоминает

мышление современного подростка, в голове которого путаница из реальных событий, различных мысленных образов, отрывков воспоминаний, мечтаний, переписок и постов в социальных сетях. С таким мировосприятием подросткам сложно наметить верный жизненный путь, трудно понять, что правда, а что ложь, что хорошо, а что плохо. А.В. Жвалевский и Е.Б. Пастернак, и Г.Ш. Нугманова в своих произведениях показывают реальных детей, с их реальными заботами, манерой общения и интересами. Современные подростки вступают во взрослую жизнь, где нет никаких канонов и идеалов. Однако, пребывая в этом мире без должных наставников, подростки стремятся к объединению, к общему решению проблем, что, безусловно, обнадеживает.

2.3. Взаимоотношения с культурным пространством и природным миром

Любой человек имеет неразрывную связь с обществом, в котором он проживает. Общество формирует человека: его взгляды, традиции, нормы поведения, ценности и т.д. Общество определяет и регулирует жизнедеятельность человека. Даже если человек отрицает социальные нормы, он все равно ориентируется на них.

Именно в обществе происходит социализация молодого человека: «Социализация растущего человека и представляет собой формирование необходимых обществу социальных свойств личности, становление человека как субъекта социального поведения» [Лазарева 2009: 372]. Личность

подростка формируется в том культурном пространстве, в котором он проживает. Ценности, обычаи и традиции он усваивает из культурной среды.

Рассмотрим произведение, где представлено взаимоотношение подростков с культурной средой шаманов – это повесть Евгения Рудашевского «Куда уходит кумуткан?». Также, в этой повести невозможно недооценить и влияние природного мира на формирование личностей героев-подростков, так как действие повести происходит в Иркутской области, на берегах озера Байкал.

Евгений Рудашевский – талантливый молодой писатель, журналист и путешественник. Его родина – Иркутск, а также опыт работы в «Нерпинарии» отразились в одной из его последних повести «Куда уходит кумуткан» (2016 г.). Главный герой повести, Максим, так же, как и сам Е. Рудашевский, с детства очень любил животных и неспроста: его дедушка построил в Иркутске свой нерпинарий, где также несколько лет работали его мама и дядя. С детства от деда он слышал трогательные рассказы о нерпах и кумутканах (неопытных детенышей байкальской нерпы) и затем имел возможность с ними познакомиться лично, во время путешествия к берегам Байкала.

Повествование в повести построено от 3-го лица, что позволяет передать читателю более объективное представление о том, о чем говорится в повести. Сюжет повести построен не по линейной схеме: идет постоянное прерывание хронологии событий различными воспоминаниями, описанием шаманских обрядов, детскими играми, историями, услышанными главными героями в детстве, а также письмами. Такое построение повести помогают читателю понять причинно-следственные связи всего того, о чем повествует автор, помогает раскрыть образы главных действующих лиц-подростков.

Особое место в рассказе «Куда уходит кумуткан» уделяется семье, в которой вырос главный герой - Максим. Подчеркивается, что семья его была очень большой, однако родственники между собой не общались и

собирались вместе только на Новый год. Также Максим не знает своего настоящего отца, от него ему досталось только отчество – Панкратович, которого он очень стеснялся. Зато «ненастоящих» отцов у Максима было предостаточно: мать постоянно заводила новых «мужей», хотя официально таковыми не один из них не являлись. Про первого «ненастоящего» отца Максим помнил только то, что с ним они жили очень бедно, про второго – что он увлек его маму буддизмом, третий был доктором тибетской медицины, который пытался травами лечить воспаление лёгких Максима. Четвертым стал шаман из древнего бурятского рода Жигжит, отец Аюны.

Повесть «Куда уходит кумуткан» необычна тем, что в ней ярко представлен колорит разных национальностей. У главного героя, Максима, семья является многонациональной: есть русские, украинские, бурятские и даже французские корни. Двоюродный брат Максима, Саша – из семьи голендров – переселенцев из Голландии. Аюна — сводная сестра Максима – бурятка, отец которой также является еще и шаманом. В повести особое внимание уделяется именно колорит семьи шаманов, в которой проживали Максим и Аюна. На протяжении всей ткани текста мы видим отсылки к тем или иным культовым и обрядовым поверьям шаманов: «Жигжит острым ножом разрезает грудь барану, как погружает в него свою большую шестипалую руку и достаёт окровавленное, ещё живое сердце. Как в восторге выкрикивает заклинания, как бьёт в бубен над мёртвым животным, а его кровь, перемешанную с молоком и водкой, подносит эжину огня. Как крутится на месте, поднимая веер разноцветных ленточек на костюме, как трясёт головой, как трепещут толстые нити на его маске – они закрывали лицо, чтобы никто не видел глаза шамана», «В день, на который назначили жертвоприношение, Аюна была сама не своя. Металась, беспричинно смеялась, злилась. Её дважды выгоняли с уроков, отводили к завучу. После школы Аюна ушла в штаб. Заперлась там с Максимом и сказала, что никуда

не выйдет до тех пор, пока руки её отца не омоются кровью всех трёх барашков» [Рудашевский 2016].

Читая описания шаманских обрядов, чувствуется их вера в одухотворенность природы, в то, что человек может управлять своей жизнью, посредством поклонения духам: «Говорил Максиму, что в болезнях человека виноваты злые духи – они мстят ему за грехи или пакостят из обыкновенной вредности. – Духов нужно задобрить. Сделать им подношение или накормить кровью барашка, тогда они отступят, – говорил Жигжит, а Максим, затаившись, слушал» [Рудашевский 2016]. Вера в нематериальность мира и ощущение зависимости человеческой жизни от злых и добрых духов передались и детям – Максиму, Аюне и Саше.

Максим, Аюна и Саша были очень дружны: любили рассказывать друг другу различные истории, строить планы и заговоры. В микрорайоне, в котором жили дети, каждый двор имел свое название: Бутырка, Пустырь, Мордор, Стекляшка, Котел и Рюхан, Аграба, Болото, Неверхуд и другие. В каждом из дворов дети строили независимые друг другу штабы, члены которых затем воевали друг с другом, пытаясь захватить штаб соперника. Читая описание этих игр, ощущается влияние на детей подросткового фэнтези. Так, например, названия их «штабов» были взяты из фэнтезийных компьютерных игр и фильмов: «Названия для штаба брали из фильма или компьютерной игры. Предпочтение отдавали «Властелину колец», «Червячку Джиму» и «Скале» с Николасом Кейджем. Если поиграть в «Червячка Джима» удавалось только избранным обладателям приставки «Sega», то кассета с «Братством кольца» лежала в каждой квартире – её пересматривали по несколько раз в месяц. Рекордсменом был Владик из Мордора, видевший «Братство кольца» сорок шесть раз и знавший наизусть почти все диалоги. Он даже выучил несколько слов на чёрном наречии, которые особенно зловеще звучали на собраниях «Минас Моргула», названного так по крепости главного злодея из мира Толкиена» [Рудашевский 2016].

Внутреннее убранство «штабов» также напоминало описание различных комнат из фэнтезийных книг и игр: «Сердцем каждого штаба была «фишка». Под «Эдорасом» рохирримы выкопали яму. Настоящий двухметровый колодец, на дно которого вела деревянная лестница. Вся жизнь рохирримов проходила в этом пахнущем влагой и плесенью колодце, а верхний этаж, сколоченный из фанеры, был чем-то вроде маскировочного колпака. На стенах висели старые половые тряпки, они прятали бахрому корней и сыпучие борозды в земле. Внизу лежали матрас и связки коричневого поролон. Мечтой рохирримов было прорыть тоннель, как можно более глубокий и широкий, чтобы сделать в нём тюрьму – запирать туда мальчишек из других штабов», «Стены «Минас Моргула» из Мордора были покрыты наклейками из «Властелина колец» [Рудашевский 2016].

Из-за того, что наши герои, Максим, Аюна и Саша, не смогли удачно вступить ни в один из штабов, дети решили создать собственный, назвав его по-бурятски «Бурхан», что означает божество. Место для своего штаба ребята выбрали тоже неспроста: они нашли место, где были густые заросли чепыжника, тальника, бирючины, пузыреплодника и таволги. Этот лес из кустарников дети называли «Тайгой». Кроме обычного убранства всех остальных штабов – сидухек и люка, а также амуниции – рогаток, пакетиков с водой, запасов пульек из рябины, в штабе Максима, Аюны и Саши были также и предметы, связанные с шаманским культом: «Эжином, то есть хозяином, штаба был белёк – новорожденный щенок нерпы. Справа от двери в коробке из-под сандалий Аюна устроила алтарь. В центре алтаря поставила керамическую фигурку белька, назвала его Тюлькой. Рядом закрепила лампадку и складную иконку – их принёс Саша. Там же лежали цветные ленты от шаманского костюма, которые Аюна выпросила у Жигжита, и несколько вкладышей от жвачки «Turbo», их положил Максим. Всё это размещалось на буддийском хадаке – голубом ритуальном шарфике, который пожертвовала в штаб Ирина Викторовна» [Рудашевский 2016]. Дети, заходя

и покидая «Бурхан» обязательно делали подношения фигурке белька в виде конфет, щепотки риса или сухаря. Каждую неделю Аюна выносила старые подношения к Байкалу и высыпала их в воду. Тем самым дети верили, что пока они в штабе, им не страшна никакая опасность, так как их оберегает эжин – хозяин штаба. Также штаб оберегали добрые духи, которых дети вызывались звоном колокольчика с конной трости шамана.

Чтобы Максиму стать настоящим вождем своего штаба, ему пришлось пройти посвящение в вождя: «По древнему обычаю Максим прошёл проверку «на пацана» и получил благословение вождей. Он встал посреди песочницы в окружении ребят. Вытянул правую руку тыльной стороной вверх. Бобёр достал из кармана сигаретный окурок. Оторвал от него папиросную бумажку, размером с горошину. Положил её Максиму на запястье и поджёг. Бумажка начала тлеть. Эта часть испытания называлась «проверкой на стукача». Максим сдавил зубы. Боль прожигала кожу, колючей пульсацией расходилась до плеча. Сёма из «Минас Моргула», Прохор из «VX2», Леший из «Эдораса», Зорикто из «Баргузина», Джаник из «Сопки» и Митя из «Паслёна» – вожди основных штабов Солнечного – стояли вокруг Максима плотным кольцом. Обняв друг друга за плечи, сдавленно ухали: – Пацан! Пацан! Пацан!», «Пришло время второго испытания. Бобёр смахнул пепел с руки Максима. Достал из кармана пластиковую палочку от чупа-чупса. Поджёг её. Крутил в пальцах, ожидая, когда она как следует разгорится. Затем поднёс к Максиму. Капнул расплавленной пластмассой в ту самую точку, где только что тлела бумажка. Боль резко вернулась. Максим вздрогнул, но удержал руку. Прошло несколько секунд. Пластмасса остыла, и Бобёр звонко ударил по запястью Максима. Следом ударил каждый из вождей. Это означало рождение нового вождя» [Рудашевский 2016]. Подобная инициация также отсылает нас к обрядам шаманской религии, где присутствует посвящение в шамана или вождя. Способ проведения этого обряда, который не один год проводится во

дворах Солнечного для посвящения в вождей – тушение окурка сигареты об руку и палочки от «чупа-чупса» – также отсылает нас к корням первобытных религий, где инициация сопровождалась не только праздничным обрядом, но и с прохождением иницируемого различных мучительных испытаний, преодолевая которые он мог получить новый статус. Особое место в любой древне религии занимала именно инициация подростков, которая означала разрыв с миром детства и вступление во взрослое общество. Подросток после нее признавался взрослым и становился полноценным членом общества, со всеми присущими правами и обязанностями в сообществе.

После того, как Максим официально был призван вождем, на «Бурхан» стало можно нападать другим штабам. Не дожидаясь, когда нападут другие, Аюна намечает план «Смерть Сауруну», в битве с которым предлагает воспользоваться ширэ – шаманским ящиком, подаренный отцом на Новый год: «Так вот, ширэ. У папы есть такой же, только у него большой. Он там держит шаманские костюмы, маски, бубны хэсэ, конные трости морин хорьбо, хур и всё такое. У меня ничего этого нет. В моём ширэ только мешочек чабреца, онгоны, две шкурки белых мышей и несколько угольков с жертвоприношения» [Рудашевский 2016]. На вождя штаба «Мордор» – Сему, Аюна хочет нарисовать зя: «– Какое ещё «зя»? – Это как оберег, только наоборот. Он призывает несчастья. Зя, как крышка, накрывает семью, и боги не слышат ни их молитв, ни их обрядов. Понимаешь? Богам кажется, что в семье про них забыли, они обижаются и перестают помогать. Тогда на семью сваливаются всякие случайности, от которых раньше оберегали боги», «Зя нужно подбросить сегодня. Она ожила, я это чувствую. Если её правильно делаешь, она срабатывает как ловушка – затягивает злого духа, и потом питается его энергией. Ночью дух выходит из неё в виде мёртвой женщины и виснет на потолке вниз головой. Вреда он не приносит, потому что слепой. Но шамана, который его поймал, видит. И если шаман не прошёл четырёх

посвящений, он его съедает. А я ведь и первого посвящения не проходила. Рано ещё. Если не подбросить зя, этой ночью мёртвая женщина меня съест. А ест она изнутри, начинает с ног. И внешне ты остаёшься нормальным, а внутри – пустой, как кукла. Максим и Саша переглянулись. Им стало не по себе от таких рассказов. Максим даже согрелся и на мгновение перестал дрожать. Он жил в одной комнате с Аюной, и ему совсем не хотелось проснуться ночью от того, что по потолку, как таракан, ползёт мёртвая женщина» [Рудашевский 2016].

Подросткам хорошо известны элементы религиозных воззрений шаманов. Конечно, на это, безусловно, повлияла среда, в которой они выросли – их семья. Больше всего шаманскую культуру впитала в себя Аюна, так как ее отец – Жигжит – настоящий шаман, и девочка, когда вырастет, тоже мечтает стать шаманкой. Саше и Максиму эта культура также оказывается близка, они с удовольствием выполняют шаманские ритуалы, которые предлагает делать Аюна. Самое главное – дети верят в эти обряды, а значит, они усвоили нематериальную картину мира, транслируемую им от взрослых. Это обозначает то, что на мировосприятие подрастающей личности оказывает огромное влияние среда, в которой она выросла, и люди, которые ее воспитали.

Рассмотрим взаимоотношения главного героя – Максима с его родителями. Отношения с матерью у Максима показаны двояко: с одной стороны она очень любит своего сына: «Мама каждый раз напоминала Максиму, чтобы он не бегал без шапки и не снимал куртку, даже если распарится», [Рудашевский 2016]. Но, с другой стороны, эта любовь к сыну проявлялась только во внешних факторах: в том, чтоб ребенок был в безопасности, сыт и тепло одет. Внутренний мир своего ребенка мать особо не интересовал, так как она была слишком занята своим духовным ростом. Напряженные отношения с матерью не раз подчеркиваются в повести: «Мама зашла в комнату. Как всегда без стука. А сама просит стучать. И не

входить, если она медитирует», «Я тут пишу тебе, а мама пришла с работы. Ходит по кухне. Нужно заканчивать. Ворчит, что я не помыл за собой посуду» [Рудашевский 2016]. Также, в главе «Выстрел» повествуется о том, что Максим рассказал маме о бездомной собаке, сидящей во дворе у люка, и попросил ее что-нибудь с этим сделать, например, взять в приют. Однако, мать отказалась, сославшись, что в ее приюте нет места: «– Почему ты не заберёшь её в свой приют? – спросил Максим за ужином.– Во-первых, он не мой, – ответила мама, подкладывая Аюне буузы и подсыпая к ним укроп.– У нас и так все клетки забиты.– Это во-вторых? – нахмурился Максим.– Да.– А в-третьих?– А в-третьих, – мама вздохнула, – пусть себе лежит, никому ведь не мешает» [Рудашевский 2016]. Из-за безразличия матери к судьбе собаки Максиму пришлось выдумать историю о том, что собака якобы бешенная и рычит на всех детей, играющих во дворе: «Он решил, что нужно хорошенько напугать маму. Тогда она придумает, как взять собаку в приют, и никто уже не будет забрасывать её камнями. Ни взрослые, ни дети. Максим был уверен, что так спасёт собаку. Сказал, что она на всех рычит, а когда днём он пробовал взять откатившийся к ней мяч, она чуть не укусила его. Добавил, что на морде у неё пена. Знал, что это – признак бешенства, вот и соврал. Его ложь подействовала. Маму явно обеспокоили слова Максима. После ужина она позвонила бабушке» [Рудашевский 2016]. Однако, надеждам Максима не суждено было оправдаться: собаку пристрелили, не разобравшись, является ли она на самом деле бешеной.

Так как у матери Максим не нашел поддержки, он искал ее у своего настоящего отца, которого никогда не видел, но регулярно писал ему письма. Эти письма предстают перед читателем на протяжении всей повести: «Привет. Ты так и не ответил. А я жду» [Рудашевский 2016]. Именно через эти письма читателю удастся разглядеть истинные мысли Максима, понять то, как воспринимает герой происходящие с ним события, ведь именно с отцом мальчик откровенен как ни с кем другим, рассказывая ему все: «У

меня ничего нового. Новое будет на каникулах, в Листвянке. Буду две недели жить с дедушкой. Я его боюсь, так что не обрадовался. Он в общем-то не страшный и никогда не бил меня. А вот Сашу, я тебе писал про него, отец часто лупит. Особенно, если выпьет...», «Уже час ночи. Все спят, поэтому я шёпотом. Мне не спится. Хорошо, что у меня есть Аюна и Саша. С ними спокойнее. Я тут подумал... Знаешь, наверное, счастье – это когда тебя принимают со всеми твоими странностями. И когда ты принимаешь других с их странностями. Мне кажется, это и есть гармония, о которой говорила мама», «Дедушка говорит, нельзя хотеть то, чего у тебя никогда не было. У меня никогда не было тебя. А хочется. Значит, что-то не так в его теориях. Но я не буду говорить ему об этом. Он опять ответит что-нибудь умное и окажется прав. Ты, если боишься, не бойся. Мама на тебя, наверное, злится, но она простит. Она сама говорит, что осуждать нужно поступки, а не самого человека. Значит, простит. Я ведь даже не знаю, что у вас там случилось. Может, ты пил. Или бил маму? Но ведь это не повод расставаться? А может и повод. Не знаю, сложно всё. Очень запутано... Хочу расставить всё по местам, как порядок навести в комнате, когда носочек к носочку, футболка к футболке и кровать заправлена без бугорков, а не получается...» [Рудашевский 2016].

И вот, когда мать Максима захотела уйти в ретрит (поселение в дощатой палатке и постоянное чтение молитв), а Жигжит уехал на собрание бурятских шаманов, а родители Саши уезжают Пихтинск, дети остаются на попечении дедушки, который берет их в поездку к берегам Байкала. Об этом событии Максим сразу же пишет родному отцу в письме: «Тут будет кое-что поинтереснее! Дедушка заказал новых нерп для нерпинария. Это после смерти Несси. Он думал, что охотники сами справятся, но там что-то случилось, и он поедет с ними. Оставить нас в доме не может, и мы напросились в поездку! Сашины родители – в Пихтинске. Папа Аюны – где-то на Ольхоне, у них там собрание шаманов. Моя мама – в ретрите.

Пристроить нас некуда. Дедушка сомневался, но я его уговорил. Сказал, что сам хочу дрессировать нерп, когда вырасту, а значит должен увидеть, как они живут и как их ловят. Когда ещё будет такой шанс? Дедушке это понравилось. Поездка займёт не больше недели. Вернёмся к самой школе. Я никогда не катался по зимнему Байкалу. Сейчас, конечно, весна, но море ещё покрыто льдом и до мая не вскроется. Про дедушкин сарай мы не забудем. Если повезёт, проберёмся в него сразу после Байкала. Хотелось бы. Тогда это будут лучшие каникулы!» [Рудашевский 2016]. То, что Максим рассказывает все отцу, которого даже никогда и не видел и который может даже и не прочтает это письмо, подчеркивает то, что в его жизни нет тех людей, с кем бы он мог делиться своими переживаниями.

Во время поездки группа путешественников столкнулось со следующим испытанием – машина внезапно застряла. В то время, когда остальные дети – Саша и Аюна радостно выбежали смотреть на то, как решают данную проблему взрослые, на Максима внезапно накатили тоска и чувство одиночества: «Выскочив на снег, Максим замер. Почувствовал себя маленьким и ненастоящим, запертым в новогодний шар со снежинками. Этот шар кто-то хорошенько встряхнул, и всё занялось ватным туманом. Сейчас не верилось в существование других пейзажей – летних или весенних. Максиму казалось, что он блуждает в этой холодной пустыне в поисках своего ледникового купола. Он здесь потерялся навсегда. Если долго ехать вперёд, не заметишь, как наст озера сменится настом горизонта, а потом – настом облаков. Вечный круг одиноких странствий. Как колесо сансары, о котором рассказывала мама», «Зачарованность не отпускала его. Он и сам растворялся. Рассыпался тысячью мелких снежинок и ускользал быстрым ветром – прочь от всего, что знал. Никогда прежде Максим не чувствовал ничего подобного» [Рудашевский 2016].

Дети действительно по-новому себя ощутили, находясь в белоснежной пустыне. В их голову стали проникать мысли, которые раньше к ним не

приходили. Ребята почувствовали страх и одиночество, свою ничтожность перед лицом природы. Особо остро эти чувства испытывал Максим: «Он устроился на коврик у колёс пикапа. Обжигаясь, ел, смотрел в темнеющую мглу и думал о том, что Иркутск стал далёким, почти нереальным. Они были в пути два дня, а казалось, что не меньше месяца отделяет их от Городка, Сёмы, «Бурхана» и Чёртова поля. Теперь нельзя было вспомнить, когда они с Аюной подбросили Цыдыповым намышинной шкурке зя. Когда была битва при Аргуне и чем она закончилась. Когда хоронили Рику и чем пах её костёр. Всё это случилось в прошлой жизни. Нет, тысячи лет назад. И даже миллионы – в те дни, когда байкальские нерпы только собрались в далёкое путешествие к Байкалу. Всё это происходило не с Максимом, а с кем-то другим. Жизнь легко рвалась на лоскуты. Сейчас бы Максим не удивился и не расстроился, если б ему сказали, что следующий год он проведёт здесь, в ледяной пустыне. Будет ходить в нерпячью школу, учиться плавать, ловить рыбу. Почему бы и нет? К нему подсели Саша и Аюна. Молчать вместе было приятнее» [Рудашевский 2016].

По-новому себя ощущали и Саша и Аюной. Например, на грустные размышления наталкивает Сашу, когда взрослые поймали первого нерпенка в сети: « Они плывут домой. Думают, что логовище – единственное безопасное место во всём этом диком мире. Поваляться на лежанке, съесть рыбёшку. Расслабиться после плавания. Под крепкой крышей. Спрятаны в сугробах. Никто не найдёт. А тут – хоп, и ты в сетях. Потом тебя поднимают наружу большие уродливые люди, которых ты никогда не видел. Скалятся, смеются, хватают за ласты. Выдёргивают тебя из твоего уютного детства. Последнее, что ты видишь – как они сапогами топчут твой дом. И волокут тебя в крохотный бассейн взрослой жизни, где ещё много лет другие люди будут тыкать в тебя пальцем, а тебе нигде будет укрыться – всегда на обозрении, всегда беззащитен» [Рудашевский 2016]. Дети чувствуют себя точно так же, как эти нерпята, которых тоже «выдернули» из уютного детства и «бросаю

во взрослую жизнь. Ребята также чувствуют себя беззащитно среди безразличной белой пустыни.

Безразличие взрослых к миру детей проявляется и в сцене разговора Аюны с Евгением Константиновичем. На все домыслы Аюны о том, что нерпенек плачет или замерз, Евгений Константинович отвечал сухим и строгим тоном: «— Дядя Женя! Дядя Женя! – Аюна побежала к узику. Она взволнованно объяснила Евгению Константиновичу, что со вторым нерпёнком Виктора Степановича что-то случилось.— Он плачет и весь трясётся! Нужно что-то сделать! Дядя Женя нехотя последовал за Аюной. Николай Николаевич, тем временем, отправился собирать палатку. – Ну и чего вы всполошились? – спросил Евгений Константинович. Сегодня его белое лицо, красиво сочетавшее европейские и монгольские черты, было каким-то мятым, неопрятным. Аюне даже показалось, что ночью его разобрали на части, а теперь собрали, но как-то неловко, чуть сдвинув уши, опустив нос, расширив глаза. Наконец, поняла, что вчера дядя Женя чаще улыбался. Именно улыбка делала его лицо приятным. Он склонился над нерпёнком. Быстро и уверенно ощупал его, словно это был не кумуткан, а шуба или мешок с перчатками. Вытерев руки о снег, улыбнулся – вчерашней радостной улыбкой. Он был рад, что этот нерпёнок достался не ему, а Виктору Степановичу. – Это не слёзы, это фототаксис, – объяснил дядя Женя. Ребята молча слушали. Так и не дождавшись вопросов, Евгений Константинович продолжил сам: – В общем, не придумывайте. Он не плачет. У нерпят чувствительные глаза. Реагируют на свет. Это и есть фототаксис. Природа позаботилась. Нерпёнок проскребает из логовища тоннели и так может выбраться наружу. А там опасно – вороны летают», «Думаешь, он к тебе так прижался, потому что просит о помощи? – Евгений Константинович посмотрел на Сашу. – Не выдумывай. Всё проще. Он прячется в твоей тени. Ящик открыли и сами его под солнце пустили. Услышав это, Максим и Саша поторопились вернуть на место крышку,

защёлкнули замок. – А почему он дрожит? – спросила Аюна. – Ему холодно? – Нерпе не бывает холодно. – Евгений Константинович ногой попробовал, крепко ли закрыт ящик. – А дрожит, потому что линяет. Так шерсть быстрее сохнет и отпадает. Ещё вопросы есть?» [Рудашевский 2016]. Отчуждение Аюны передается через ее восприятия лица Евгения Константиновича: если раньше оно казалось ей красивым, то сегодня оно показалось ей мятым и каким-то неопрятным. Также ее изменившееся отношение подчеркивается через восприятие взгляда мужчины на кумуткана как на «шубу или мешок с перчатками». То есть, девочке явственно стало понятно, что взрослым все равно на состоянии этих нерпят, во всем этом процессе они были озабочены только прибылью, которую они получают при продаже их меха. Изменившееся восприятие Евгения Константиновича после этого разговора мы также видим и у Максима: «Никакой ты не дядя Женя, а самый обыкновенный Евгений Константинович» [Рудашевский 2016].

Неудивительным оказывается то, что ребята не соглашаются уехать с путешественниками на безопасное место, а остаются в лагере ждать своего дедушку, который поехал искать помощь. Окончательно становится ясным, что охотников интересуют только деньги, в тот момент, когда группа позволяет остаться детям одним на потрескавшемся льду: «– Никуда мы не поедem, – упрямо твердил Максим. – Дождёмся дедушку. – Ну и... бог с вами. У них, видно, вся семейка такая. Слишком умные. Всё, Коль, поехали. Надоело тут. Не хватало ещё с детьми нянчиться», «Машина ещё была видна, но шум её мотора стих. Только сейчас ребята осознали, что их бросили одних в белоснежной пустыне, посреди торосов и станowych щелей» [Рудашевский 2016]. Более того, в восприятии детей даже их собственный дедушка думает только о наживе: «Максим следил за тем, как Аюна варит овсянку и пугал себя страшными мыслями. О том, что дедушка на узике провалился под лёд. О том, что он заблудился и не знает, где их искать. Быть может, лагерь окружили станowych щели, превратили его в неприступный остров? Что если

дедушка вообще забыл про них? Нет. Тут лежали его нерпы. Нерпы, за которых он заплатил. Значит, он непременно вернётся» [Рудашевский 2016].

Погруженный в мысли о том, что их бросили, Максим сравнивает себя и Аюну с Сашей с кумутканами, брошенными в ледяной пустыне: «Оглядываясь по сторонам, Максим думал, что они здесь сами стали кумутканами, вырванными из уютных логовищ и брошенными в гиблущую пустыню» [Рудашевский 2016].

Показательной оказывается сцена появления ворона в конце повести. Е. В. Мелетинский отмечает, что мифологическое восприятие образа ворона «Ворон функционирует в мифах как культурный герой: падаль – уже не животная, но и не растительная пища, поэтому ворон олицетворяет некий компромисс между хищными и травоядными, противопоставление которых друг другу оказывается в конечном итоге смягчением фундаментальной антиномии жизни и смерти. Поэтому ворон воспринимается как медиатор между жизнью и смертью» [Мелетинский 1980: 245]. Также Е. В. Мелетинский отмечает, что ворон – это всегда олицетворение зла. Так как он связан с тремя сферами (с небом – т.к. летает в небе, с землей – т.к. клюет пищу и с подземным царством мертвых, т.к. является демонической силой), то в шаманской религии он наделялся необычайным могуществом. Ворон в повести появляется в тот момент, когда дети остаются одни, без взрослых, в ледяной пустыне, что является очень символическим. В этот момент будто открываются врата зла, появляется ощущение близости смерти, и детям нужно самостоятельно принять решение для спасения нерпят.

Также, особое место занимает в мифологии мотив «выклевывания»: «особое развитие получает мотив выклёвывания вороном глаз у жертвы, что выступает вестником зла» [Мелетинский 1980: 246]. Максим, Саша и Аюна были вынуждены наблюдать, как ворон заклевывает насмерть одного из нерпят: «Кумуткан приоткрыл глаза. Красные, воспалённые. Над ними – подвижная голова ворона. Тяжёлый острый клюв. Нерпёнок попытался

дёрнуть ластом. Не смог. Ворон не улетел. Расправив крылья, издал громкий рваный крик. Прочнее сдавил когтями. Падающим ударом ослепил кумуткана, проткнул клювом водянистую упругость зрачка и тут же отскочил в сторону. Нерпёнок взвился. Раскрыл вспененную пасть. Задёргался на месте. Его будто терзал кто-то сильный и невидимый. Кумуткан сжимал, скукоживал веер задних ласт. Передним ластом утирал мордочку. Зарывал её в снег. При этом оставался безмолвным, не огласил свою боль ни единым звуком. Наст под ним стал красным. Ворон, склонив голову, наблюдал за происходящим. Ждал» [Рудашевский 2016]. После своей кровавой трапезы ворон еще долго летал над местом, где были дети. В этот момент ребята особо остро ощущают себя подобными этому нерпенку, ведь они тоже оказались брошенными с определенной долей возможной гибели.

Оставшись одними, без взрослых, вдали от дома, Максим, Аюна и Саша постоянно выходят из опасностей и трудностей. Не каждый взрослый нашел бы в себе столько уверенности, храбрости и силы, как эти дети! Возможно, им помогают те игры, в которые они играли в детстве, а также многочисленные истории, услышанные ими от Жигжита и дедушки. Их игры, с вечными приключениями и стратегиями, а также удивительные и порою страшные истории их родственников обрели материальный вид.

Однако, преодолевая все эти непосильные для детей трудности, ребята не переставали чувствовать себя одинокими и брошенными, сравнивая себя с кумутканами, брошенными в ледяной пустыне. Главный герой, Максим, не находит участливого отношения к своей жизни ни у матери, ни у дедушки, ни у других родственников и взрослых. Он откровенен только с тем, кого никогда не видел и кто ни разу ему не ответил в ответ – со своим родным отцом. В этом мире, где одни заняты духовными исканиями, а другие деньгами, Максим остался один, совсем непонятый. Конечно, он перенял многие воззрения на мир и привычки своей матери и отчима, а также

привязанность к животным от деда. Но душу Максима, его мысли и чувства никто узнавать не хотел, поэтому Максим чувствует себя одиноким.

Автор в качестве эпиграфа берет слова из молитвы: «Да обретёт вся земля совершенную чистоту, да станет она ровной, как ладонь, гладкой, как лазурит. Да будет счастливо всякое существо. Да будет всякое существо избавлено от страданий» [Рудашевский 2016]. В повести не раз поднимается вопрос о жестоком и потребительском отношении к животным. Эти истории – о кумутканах, о собаке по кличке Рики – оставляют непоправимое чувство вины людей перед животными. Но, также, в повести неоднократно указывается то, что дети – Максим, Аюна и Саша – ощущают себя точно так же, как кумутканы, на чувства которых взрослые очень редко обращают внимание.

В заглавии повести поставлен вопрос: Куда уходит кумуткан? Ответ на вопрос, куда уходит детеныш байкальской нерпы дан в повести не один раз – он ищет свое логово, где провел детство. Но что же ищут эти дети, так похожие на этих кумутканов? Где для них то место, где они будут чувствовать себя в безопасности, где их поймут? Ответ на этот вопрос в повести Евгений Рудашевский оставляет открытым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной магистерской диссертации мы рассмотрели то, как раскрывается образ современности в новейшей подростковой прозе. Первая глава нашей работы несла теоретический характер, в ней мы собрали и проанализировали материал об особенностях детской и подростковой литературы. В первом параграфе мы выяснили то, как разными исследователями понимается феномен детской литературы, и какую, по их мнению, должны ставить задачу перед собой детские писатели. Во втором параграфе мы выявили особенности подростковой прозы: художественное своеобразие сюжетов, образов и мотивов данной части литературы.

Вторая глава носила практический характер, в ней мы рассмотрели произведения, ставшими призерами литературного конкурса «Книгуру» разных лет и попытались увидеть то, как представляется образ современного мира подростка в этих книгах. Современные авторы пишут для подростков на разные темы. Заинтересовать юного читателя может лишь то, что волнует его самого. Семья, школа, социум – это то, что составляет маленький мир ребенка, который напрямую на него влияет. Зачастую подросток еще не нашел верный путь в этом мире, из-за чего возникают конфликты с родителями, друзьями и учителями.

Самое большое значение на формирование личности ребенка оказывает семья. Базовые ценности, нормы поведения, обычаи и традиции ребенок перенимает от тех, с кем он живет под одной крышей каждый день. То, как выстраивает свои отношения с миром «взрослых» герой-подросток мы показали на примере повести Л.А. Романовской «Удалить эту запись?», где главная героиня Вера за один учебный год проходит тяжелый путь от

недопонимания с родителями, учителем и друзьями до полной гармонии во взаимоотношениях с ними. Девушка значительно меняет свое мировоззрение, избавляется от всего фальшивого и ненужного, обретает себя. Вера поняла истинный смысл жизни – это ее близкие люди. Семья становится главной ценностью для героини.

Огромным оказывается влияние и школы на формирование личности подростка. Школа – тот социальный институт, где ребенку приходится пройти множество испытаний: трудности в учебе, конфликты с одноклассниками и учителями, первая любовь и т.д. Роль школы в жизни подростка мы рассмотрели на примере цикла А.В. Жвалевского и Е.Б. Пастернак «Шекспиру и не снилось», а также повести Г.Ш. Нугмановой «Школота». Проанализировав эти произведения, мы пришли к нерадостному выводу о том, что школа в этих произведениях представляется как место, где ученики и учителя находятся в постоянных конфликтах, где обе стороны не хотят услышать позицию друг друга. Также, и со стороны родителей в данных произведениях нет никакой поддержки, так как они без конца заняты исключительно своими делами. Но, несмотря на недопонимание с взрослыми, подростки смогли объединиться, услышать и понять друг друга, вместе преодолеть трудности. Такая особенность сюжета в обоих произведениях говорит о том, что для подростков очень значимым является отношения в кругу сверстников.

Также мы не обошли вниманием влияние культурной среды на становящуюся личность. В этом аспекте наше внимание привлекло произведение Е. В Рудашевского «Куда уходит кумуткан». На главных героев, Максима, Аюну и Сашу огромное влияние оказали обычаи семьи шаманов, в которой выросли главные герои. Истории, рассказанные настоящим шаманом – отцом Аюны и отчимом Максима, дети слушали с самого детства, из-за чего искренне поверили в нематериальность мира, в существование добрых и злых духов. Вера в сверхъестественное отразилась

на играх детей: в них они проделывали многие элементы обрядов шаманов. Позже эти игры обретают материальный вид, во время того, когда ребята остаются одни среди голой ледяной пустыни. Здесь им приходится спасать жизни маленьких кумутканов, но, также, опасность угрожает и самим детям. Несмотря на преодоление всех трудностей, подростков не покидало ощущение одиночества. Герои даже сравнивают себя с кумутканами, ведь они оказались такими же брошенными и непонятыми взрослыми.

Перед тем, как ребенку стать взрослым, он должен усвоить нормы и принципы «взрослого» мира. На то, каким будет будущий член общества, влияют семья, окружение и культурная среда. Из проанализированных нами произведений можно сделать вывод о том, что подростку в современном мире приходится несладко. Самая главная проблема, с которой сталкиваются герои – недопонимание со взрослыми. Проблема «отцов и детей» – вечная тема литературы, которая всегда будет актуальной. Меняется мир, а вместе с ним непременно меняются взгляды людей. Каждое новое поколение никогда не поймет старое и наоборот. Поэтому важным является желание понять друг друга, умение найти общий язык. В проанализированных нами произведениях отчетливо заметна динамика в изображении образов героев-подростков. От начала к концу произведения читатель замечает, что герои неизменно становятся лучше, взрослее. А это значит, что, несмотря на все трудности и конфликтные ситуации, герои все-таки нащупывают верный путь, по которому им стоит идти в жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасцева И.Н. Детская литература : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева. – 8-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 576 с. – (Сер. Бакалавриат).
2. Аскарлова В. Подросток и взрослые: трудный диалог по поводу книги / В. Аскарлова, Н. Сафонова // Библиотека. - 2007. - № 1. - С. 34 - 36.
3. Волынская И. Литература для подростков: Погоня за Бет Глатисант, или «Я не догоняю!» / И. Волынская, К. Кащеев. - ЦКЪ: <http://www.eksmo.ru/news/authors/483417>
4. Воронина Е.И. Взгляд с другой стороны стола. Эксперимент и инновации в школе № 6, 2011, С. 29-32.
5. Гриценко З.А. Детская литература. Методика приобщения детей к чтению: учеб. пособие для пед. вузов. М.: Academia, 2004.
6. Детская литература: учебник / Е.Е.Зубарева, В.К.Сигов, В.А.Скрипкина и др.; под ред. Е.Е.Зубаревой. М.: Высш. шк., 2007.
7. Детская литература сегодня. Материалы научно-практического семинара. Екатеринбург, 2010.
8. Драгунова Т. В. Подросток. М.: Знание, 1976. – 342 с.
9. Жвалевский А.В., Пастернак Е.Б. Шекспиру и не снилось // Режим доступа: <http://kniguru.info/short-list-vtorogo-sezona/shekspiru-i-ne-snilos>
10. Краткая литературная энциклопедия. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor>

11. Лазарева Т. А. Отражение социальной нормы в ценностных ориентациях подростка. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, № 102, 2009, С. 371-378.
12. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70 гг. - Свердловск. 1982. - С. 32.
13. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки: монография. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1992.
14. Литовская М.А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка // Детская литература сегодня: Сб. науч. ст. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 154 с.
15. Лупанова И.П. Полвека. Советская детская литература. 1917 – 1967 М., 1969.
16. Материалы журнала «Литература» изд. дома «1 сентября» <http://lit.1september.ru/urok/>
17. Мелетинский Е.М. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. – Т. 1. – С. 245-247.
18. Мещерякова М.И. Русская детская, подростковая и юношеская проза 2 половины XX века: проблемы поэтики: Монография - М.: Мегатрой, 1997. -380с.
19. Минералова И.Г. Детская литература : учебник и практикум для академического бакалавриата / И.Г. Минералова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 333 с. – Серия : Бакалавр. Академический курс.
20. Михайлова А. Современный ребенок и сказка: Проблемы диалога М., 2008.
21. Михалева, Т.И. Великая Отечественная война в литературе для детей и юношества (60 – 80-е гг.). М., 1992.
22. Носкова В.Б., Хрящева Н.П. Взрослые «ужасы» и новый детский герой? // Филологический класс. 2006. № 16.

23. Нугманова Г.Ш. Школота // Режим доступа: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/shkolota>
24. Посашкова Е.В. Повесть «нравственного урока» (на материале прозы А. Алексина и А. Лиханова) // Русская литература XX века: направления и течения, ежегодник, выпуск №2, Екатеринбург: УрГПУ, 1995. – 132 с.
25. Романовская Л. В.: «Писатель пишет, чтобы все, что мы пережили, не ушло в космос, а осталось тут, как облако» // Режим доступа: <https://www.papmambook.ru/articles/3140/>
26. Романовская Л.А. Лариса Романовская о себе // Режим доступа: <https://fantlab.ru/autor20944>
27. Романовская Л.А. Удалить эту запись? // Режим доступа: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/udalit-etu-zapis>
28. Рудашевский Е. В. Куда уходит кумуткан? // Режим доступа: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-sedmogo-sezona/kuda-uhodit-kumutkan>
29. Светловская Н.Н. Детская книга и детское чтение: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Academia, 1999.
30. Сетин Ф.И. История русской детской литературы (конец X – первая половина XIX вв.). М.: Просвещение, 1990.
31. Сивоконь С. Уроки детских классиков. М., 1990.
32. Фантастика и фэнтези в круге детского и юношеского чтения // Режим доступа: <http://www.rusf.ru>
33. Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: избранные труды. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 608 с.
34. Химич В.В. Автор и читатель в ситуации игры: «Детская книга» Б.Акунина // XII Всероссийская научно-практическая конференция словесников. Екатеринбург, 2006. Ч.1. Пленарные доклады.

35. Черняк М.А. Литература для тинейджеров в контексте экспериментов новейшей прозы XXI века // Вестник Череповецкого государственного университета, 2011, №4, стр 89 – 93.

36. Черняк М.А. Феномен массовой литературы XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2005

37. Черняк М.А. Школа как диагноз: опыт современной прозы //Детская литература сегодня: Сб. науч. ст. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – 154 с

38. Эльяшкевич А. Литературе семидесятых. //Звезда. - 1979. -МЗ. - С.203.